
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2484)

8 ФЕВРАЛЯ 1975

Вырос микрорайон.

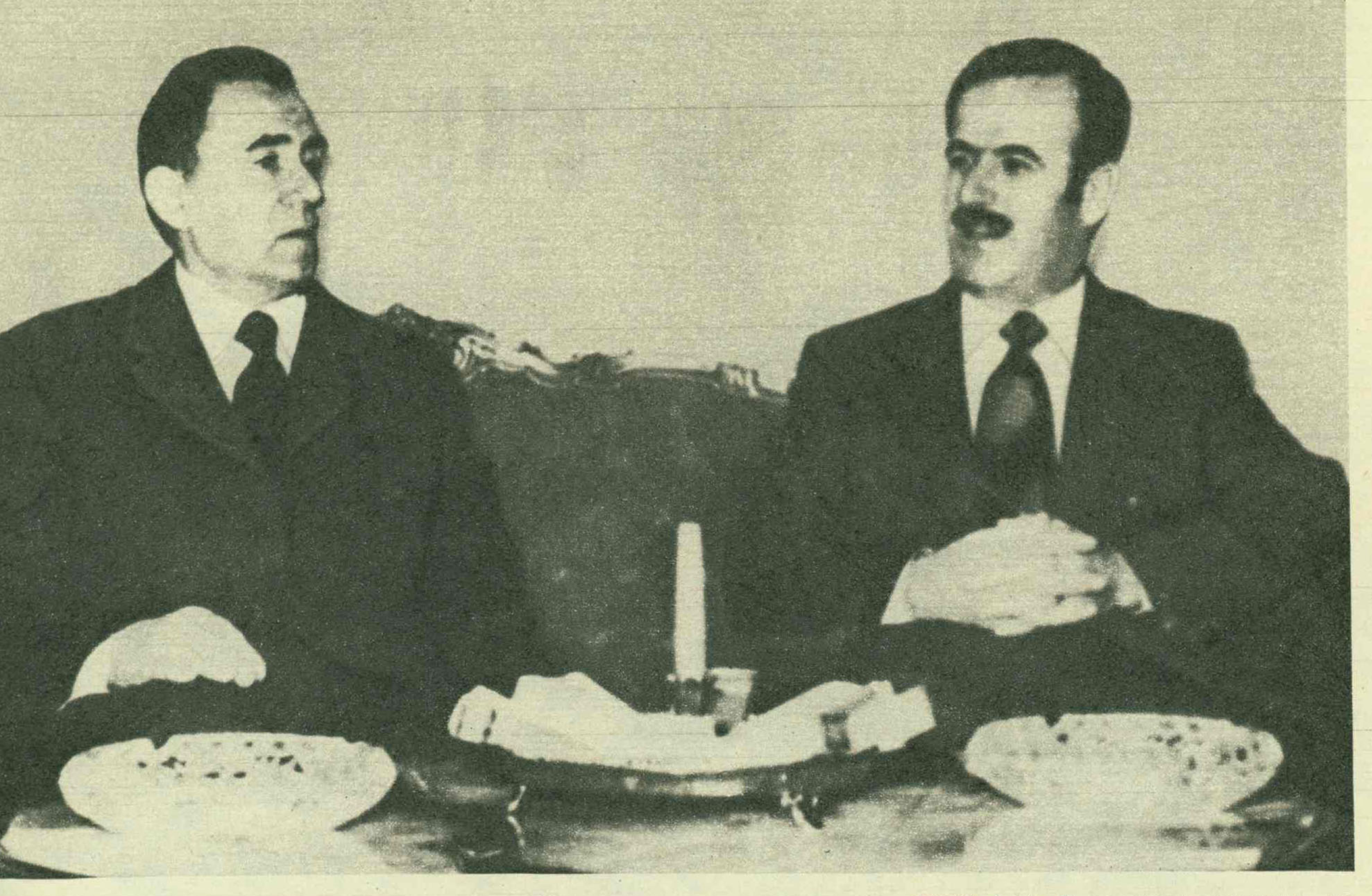
САСОВО.

Передовые монтажники строительства завода «Станколиния» Анатолий Пахомов и Владимир Воронин.

1975-й...

См. стр. 12—13.

Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко находился по приглашению сирийского руководства с 1 по 3 февраля 1975 года с официальным дружественным визитом в Сирийской Арабской Республике. А. А. Громыко встретился с президентом Сирии Х. Асадом и имел с ним беседу. На снимке: во время беседы.

Телефото АП — ТАСС.

твои герои, пятилетка

ОТЦОВО ДЕЛО

Итак, Герой Социалистического Труда Петр Донатович Вильман. Коммунист. Депутат Верховного Совета Латвийской ССР. Профессия самая обыкновенная: столяр. Впрочем...

— Такой профессии в чистом виде сейчас нет. Редкая, вымирающая профессия.— Заметив недоумение на моем лице, Вильман подошел к зеркалу на низенькой тумбочке.— Этот туалетный столик — единственная вещь в нашем доме, сделанная мною от начала до конца. Я ее сработал действительно по старинке — всё сам. В нашей фирме «Рига» найдется всего несколько столяров-универсалов в обычном значении этого слова. Они делают опытные образцы мебели. В цехах же работают столяры-станочники. Поточное производство изменило характер их труда. Каждый выполняет определенную операцию.

— Не скучно ли такое однообразие?

— Однообразия нет, особенно если человек влюблен в дерево. Понимает его, видит его красоту. Вы в этом убедитесь, если побываете у нас.

...Пока трамвай рано утром, позванивая, везет нас на окраину Риги, туда, где находится завод, Петр Донатович рассказывает о себе, о своем детстве. У Вильмана оно связано с березой, шептавшей под окном колыбельные песни, с диковинными яблонями, на которых росло по пять сортов разных яблок. Брат отца очень любил сад и все время экспериментировал. Пятеро братьев вели хозяйство вместе. Так было легче противостоять богачам. Отец был крестьянином и всю жизнь копался в земле. Но чтоб копаться в земле, обязательно надо было столярничать. Отец мог сделать из клена борону и соху, из дуба — добрую бочку для пива. А это далеко не простое дело — выстругать тоненькие дощечки для бочки! Теперь редко в какой деревне найдешь такого мастера. А сани? Разве может кто сейчас сделать настоящие сани? У Доната Вильмана ловко получались из ели прочные и легкие, на загляденье, скамейки, столы, кровати, рамы для окон. Словом, все, все, что имелось деревянного в доме, было выполнено руками отца. В избе возле печи стоял большой верстак с фуганками, пилами и топором, и никогда не улетучивался отсюда аромат свежеструганного дерева.

— Запах ели и сосны я особенно люблю. Я был в семье старшим среди девяти детей, и отец брал меня с собой на заготовку леса. Но больше всего мне хотелось построгать. Когда подрос, понял, что это не самое важное. Труднее всего связать детали воедино. Вот когда ты сможешь выдолбить стамеской гнездо, заделать шип, то можно сказать: кое-чему уже научился. Теперь все это механизировано, делается быстро, на станках, а тогда требовало сноровки.

Вот мы и приехали.— Трамвай остановился возле проходной головного предприятия мебельной фирмы «Рига».— Скоро двадцать лет, как я работаю здесь. Мы делаем массовую бытовую мебель — мягкую и секционную. Наш участок, в частности, поставляет брусковую заготовку для всех диванов и кроватей.

...Длинная шеренга станков, превращающих грубые, толстые доски в отшлифованные бруски и брусочки, которые остается только собрать.

Петр Донатович знакомит меня с заместителем генерального директора Алексеем Георгиевичем Носковым, а сам торопится к товарищам. Теперь о нем рассказывает Носков:

— Не так давно участок перерабатывал всего лишь двести кубометров древесины в месяц, сейчас — в четыре раза больше. Мы сами до сих пор удивляемся, как это бригаде удалось! Ведь оборудование то же самое, старое. Но присмотритесь повнимательней. Здесь почти каждый рабочий по примеру бригадира освоил смежные профессии. Что же касается Петра, то он и фанеровщик и лакировщик — все умеет! К тому же великолепный организатор. На этом участке он переставил все станки по принципу строгого потока. Заготовки идут от станка к станку, как по конвейеру.

Еще совсем недавно Вильман был... учеником: в позапрошлом году закончил среднюю школу, учился одновременно со своими дочерьми — студенткой и школьницей. И на все у него хватает времени — работать, учиться. А сколько у него депутатских забот! Такой он многогранный человек, столяр из Риги. За то и удостоен Золотой медали с серпом и молотом.

Г. ВЛАДИМИРОВА

«Как и в предыдущие годы, была обеспечена полная занятость; в отдельных районах страны ощущался недостаток рабочей силы».

Из сообщения ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1974 году.

Д. П. ГАЛКИН,
депутат Верховного Совета СССР,
лауреат Государственной премии СССР,
директор Магнитогорского
металлургического комбината
имени В. И. Ленина

ОПТИМИ

Только что я вернулся из США. Там я увидел то, что у нас не увидишь,— безработных. В Питсбурге, этой традиционной столице черной металлургии, я был на нескольких заводах различных фирм. В цехах стоят остывшие мартены и сталеплавильные печи. Металлурги меня поймут: нет для их сердца более удручающей, более печальной картины... Нет горя более отчаянного, чем сознание того, что не нужен твой труд, твой ум, твои руки, что ты лишен возможности что-то делать.

В истории нашей страны тоже были периоды, когда стояли мартены. Но то были мартены, изувеченные первой империалистической войной и интервенцией. То были домны, мартены и станы, взорванные гитлеровскими оккупантами. С какой же яростью и самоотверженностью народ восстанавливал и подымал их, чтобы они работали на благо советских людей.

В те январские дни, когда я был в Америке, газеты пестрели аншлагами: «Послание президента к конгрессу «О положении страны», «Обращение президента к американскому народу»... В центре внимания выступлений президента — экономические проблемы США обостряющийся спад производства, рост цен, безработица и инфляция. «Дефицит федераль-

Москва. Доска объявлений у входа на завод «Пролетарский труд».

Сегодня мы публикуем две фотографии. На одной из них вы видите очередь безработных, на другой — доску объявлений с приглашениями на работу. Как зеркало, они отражают истинное положение дел, образ жизни двух миров — капиталистического и социалистического.

Редакция попросила прокомментировать эти два фотодокумента Д. П. Галкина, директора Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина.

США. Штат Мичиган. Очередь безработных. Фото из журнала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт».

СТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ

ного бюджета в этом году превысит 30 миллиардов долларов. Массовое увольнение рабочих происходит на металлургических, автомобильных заводах, на предприятиях текстильной, бумажной, химической промышленности. Шесть с половиной миллионов американцев уже сейчас не имеют работы.

Как странно все эти тревожные сигналы воспринимать советскому человеку, как все это непохоже на нашу социалистическую действительность! У нас возле заводских проходных, на улицах городов — везде расклеены объявления: «Требуются, требуются, требуются...» Нас, руководителей предприятий, волнуют и заботят иные проблемы, нам приходится ломать голову над тем, как пополнить свой рабочий коллектив и как удержать это пополнение. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую это на примере нашего комбината.

Как всякое специализированное предприятие, мы заинтересованы не просто в кадрах, а в подготовленных кадрах. И у нас создана целая система привлечения их и закрепления. Знакомство с будущими рабочими начинается в обыкновенной школе. Первая ступень — профориентация с циклом мероприятий: экскурсии на комбинат, уроки-лекции, встречи со знатными металлургами. Вторая ступень — ГПТУ. У нас пять училищ, в которых занимается более четырех тысяч человек. Третья ступень — сам комбинат. Человек пришел в цех... Как сделать, чтобы он увидел в только что приобретенной профессии главное дело всей своей жизни? Вот где благодатное поле деятельности и для мастеров, и для экономистов, и для социологов! Прежде всего — пример старших. Он раскрывает перспективу, будущее молодого человека, наглядно показывает ему, что его ждет, если он будет хорошо работать. На Магнитке учреждено почетное звание «Ветеран ММК». Работнику, заслужившему его, вручается почетный значок, а вместе с тем предоставляется право на получение льготных путевок в дома отдыха и пансионаты, даже после ухода на пенсию. Влияет оно и на размер 13-й зарплаты в конце года, предоставляет и другие преимущества. Целая серия поощрений предусмотрена для членов рабочих династий, их на Магнитке очень много — фактор немаловажный как для отцов, так и для детей. Наконец, заключение договоров с самими рабочими. После окончания училища многие из молодых рабочих поработают годик-другой и уходят на действительную службу в армию. Юноши, как правило, перед призывом заключают с комбинатом договора, что вернутся в свой цех, к своей печи, к своему агрегату. В этом случае за все годы службы в армии они получают денежное вознаграждение.

Нас нередко, особенно зарубежные гости, спрашивают: где вы берете деньги для всего этого? Отвечаем: каждые сутки комбинат приносит государству более миллиона рублей чистой прибыли. Наше государство ничего не жалеет для человека, вот и мы не скупимся.

Однако, несмотря на все эти меры, комбинату ежегодно недостает свыше шестисот человек, в первую очередь токарей, слесарей, огнеупорщиков, строителей, монтажников, люковых... Это при том, что текучесть кадров у нас сравнительно невысокая, всего десять процентов, значительно ниже, чем на других предприятиях черной металлургии. Конечно, комбинату нелегко. Но вместе с тем потребность в рабочей силе можно рассматривать как своего рода оптимистический показатель. Хороший это показатель, когда нужны рабочие руки. Он свидетельствует о росте, о неуклонном развитии, он подобен барометру, стрелка которого уверенно предвещает ясную погоду, устойчивую погоду нашей экономики.

НЕ ТЕ ВРЕМЕНА

Олег ИГНАТЬЕВ

Иногда, рассматривая какое-нибудь событие, бывает полезно оглянуться назад, бросить взгляд на явления недавнего прошлого, чтобы полнее уяснить себе смысл происходящего сегодня. Мне кажется, что, касаясь нынешних отношений между Соединенными Штатами и странами Латинской Америки, будет нелишне начать разговор с напоминания о фактах почти четырнадцатилетней давности.

13 марта 1961 года в Вашингтоне с большой помпой было объявлено о рождении рассчитанной на десять лет программы «Союз ради прогресса», которая, по замыслу ее создателей, должна была «способствовать развитию» латиноамериканских государств при активнейшем участии Соединенных Штатов. В 1971 году, подводя итоги десятилетнего действия программы, латиноамериканская общественность дала ей однозначную оценку — «Полное банкротство».

Выжав для себя максимум пользы из «Союза ради прогресса», США выдвинули новую программу для Латинской Америки, на этот раз пообещав странам континента снизить таможенные пошлины на ввоз их товаров и разработать ряд льгот в торговле с США.

Можно утверждать, что на днях был подведен своего рода двухлетний итог и этой программы, которую ее североамериканские творцы окрестили звучным именем «Действие ради прогресса», хотя на «юбилее» никто об этом «Действии» не упоминал. Я называю «юбилеем» дебаты, имевшие на этих днях место в Вашингтоне на чрезвычайном заседании постоянного совета Организации американских государств (ОАГ), собравшегося по требованию Венесуэлы, Эквадора, Перу и Колумбии, чтобы «осудить дискриминационные меры принудительного характера, принятые США и создавшие серьезную проблему для Латинской Америки и межамериканских отношений».

Речь идет о принятом в конце прошлого года и ставшем уже печально известным новом североамериканском законе о торговле.

В уставе ОАГ есть статья, где говорится: «Ни одно государство не должно прибегать к принудительным мерам экономического характера, чтобы оказать нажим на суверенную волю другого государства или чтобы добиться от него выгод любого рода». В принятом конгрессом США новом законе о торговле полностью перечеркивается эта статья. Так, если какая-либо латиноамериканская страна станет проводить экономическую политику, идущую вразрез с интересами североамериканских монополий, то США лишат ее режима наиболее благоприятствуемой нации. Согласно новому закону, страны — производители нефти, а это непосредственно относится к Венесуэле и Эквадору, лишаются режима таможенных льгот. Суровые репрессалии предусматриваются также против тех государств, которые национализируют «без соответствующей компенсации американскую собственность и капиталовложения».

Другими словами, при помощи нового закона о внешней торговле США намереваются связать по рукам и ногам латиноамериканские страны, пытаются затормозить процесс укрепления их экономической независимости, воспрепятствовать освобождению Латинской Америки от хозяйничанья североамериканских монополий.

Дискриминационные положения нового закона о торговле вызвали резкое осуждение правящих кругов большинства государств Латинской Америки. Президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес охарактеризовал его как акт «экономической агрессии и политического шантажа». Президент Гондураса Освальдо Лопес Арельяно заявил, что новый закон «мешает проведению политики развития центральноамериканских стран». Президент Бразилии генерал Эрнесту Гайзел указал, что принятый США новый закон «может нанести серьезный ущерб развивающимся странам».

Нужно подчеркнуть, что из всех латиноамериканских государств только представители чилийской хунты, никарагуанского диктатора Сомосы и Уругвая заявили вначале о своем удовлетворении принятием в США нового закона. Но когда в Вашингтоне проходило чрезвычайное заседание постоянного совета ОАГ, даже они не решились пойти против мнения подавляющего большинства и были вынуждены голосовать вместе со всеми за «осуждение дискриминационных мер, принятых США».

Коммюнике совета было принято единогласно. Этот факт красноречиво доказывает, что даже представители режимов, всегда слепо следовавших указаниям, поступавшим из Вашингтона, в данной ситуации осмелились выступить против Соединенных Штатов, потому что не решились противостоять объединенным действиям всех остальных государств Латинской Америки. Деталь, свидетельствующая о довольно примечательных сдвигах, происходящих ныне на латиноамериканском континенте.

Если мы полистаем подшивки газет, скажем, последних десяти лет, то в комментариях, касающихся ОАГ, непременно столкнемся с рассуждениями о «потрясениях, переживаемых этой организацией». Не будет преувеличением утверждение, что ОАГ уже многие годы находится в состоянии непрерывного кризиса, порожденного политикой диктата, вмешательством во внутренние дела, попранием суверенитета и другими подобными же действиями Соединенных Штатов по отношению к странам Латинской Америки. Но нынешний этап этого кризиса имеет одно существенное отличие: возросла, если можно так сказать, «сопротивляемость» латиноамериканских стран, находящая выражение в согласованных действиях, направленных на защиту своих интересов.

Итоги чрезвычайного заседания постоянного совета ОАГ и принятое на днях решение отложить на неопределенное время назначенное было на март совещание министров иностранных дел американских государств с участием государственного секретаря США свидетельствуют не только о кризисе в ОАГ. Североамериканская газета «Крисчен сайенс монитор» недавно привела слова одного венесуэльского обозревателя, который сказал, что США, «видимо, думают, что мы у них в кармане, но они глубоко ошибаются. Времена теперь не те».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

1

Тысячи рабочих, студентов, школьников Западного Берлина собрались на митинг солидарности с чилийскими патриотами. Они решительно потребовали от военной хунты положить конец террору и преступлениям. Тепло встреченный присутствующими, с речью выступил Альберто Корвалан, сын Генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана, до сих пор томящегося в фашистском застенке. Он призвал крепить и расширять движение солидарности с чилийским народом, ведущим борьбу за свою свободу.

2

Недавно в западноберлинском театре «Шаубюне» состоялась премьера. В постановке режиссера Петера Штайна шла пьеса М. Горького «Дети солнца». Печать Западного Берлина в своих откликах положительно оценила и режиссерскую трактовку пьесы и игру актеров. «Дети солнца» встретили большой интерес западноберлинского зрителя. Рецензенты считают, что успех пьесы великого пролетарского писателя объясняется непреходящей злободневностью поставленных в ней социальных проблем.

3

Карикатурист американского журнала «Ю С ньюс энд уорлд рипорт» изобразил помощь США марионеточным режимам в виде бездонного колодца. Сколько ни сыпь в него денег — все равно толку мало. Действительно, поддержка прогнивших марионеточных правительств не дает эффективных результатов. Трещат по швам взращенные на американских долларах диктатуры Тхиеу и Пак Чжон Хи. Сотни миллионов долларов налогоплательщиков выбрасываются на ветер. Все большее число американцев выступает против разбазаривания национальных средств на поддержку антинародных режимов.

4

На фото запечатлен момент кражи. Еще мгновение — и сумочка будет в руках грабителей, мчащихся на мотоцикле. Кражи такого рода становятся все более частым явлением в Риме.

Рост преступности в столице Италии не отстает от роста инфляции в стране: те же высокие темпы. Каждые три минуты и семь секунд в Риме происходит грабеж или воровство. «Печальный национальный рекорд»,— признают в городской прокуратуре. Согласно статистике, ежедневно в городе с трехмиллионным населением грабятся двадцать магазинов и квартир, взламываются двери пятидесяти автомашин, похищаются сто автомобильных радиоприемников. Если в Риме серьезной проблемой стало воровство, то в Пьемонте и Ломбардии, вотчинах богатых фабрикантов, процветает киднэппинг (кража детей с целью получения денежного выкупа). Число таких похищений растет: в 1970 году было 14 случаев, а в 1974-м — уже 38.

5

Растущая инфляция в Японии особенно затрагивает малоимущие слои населения и в первую очередь пожилых людей. Второй месяц проводит сидячую забастовку группа пенсионеров у здания министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии. На транспарантах надписи с требованиями к правительству: «Защитите престарелых от инфляции», «Требуем пенсии, обеспечивающей прожиточный минимум».

В Токио начались зимние холода. Несмотря на пронизывающий, холодный ветер, участники сидячей демонстрации протеста намерены продолжать ее и добиться приема руководством министерства, которому они хотят высказать свои требования.

6

Французский инженер Мишель Коломбан сконструировал одноместный двухмоторный самолет «Крикри МС 10». Считают, что это самый маленький самолет в мире. Его скорость — 200 километров в час.

7

Дядюшка Сэм замер в удивлении. Еще бы! В спальне под своей кроватью он нашел спрятавшихся агентов ЦРУ. Видно, сам дядюшка Сэм попал в число «неблагонадежных»... В США продолжаются скандальные разоблачения деятельности ЦРУ, организовавшего широкую систему политической слежки за гражданами Соединенных Штатов.

8

Недавно индейцы племени меномайни заняли пустующее здание монастыря в городе Грешем, штат Висконсин, США. Они обратились с просьбой к властям вернуть принадлежавший им ранее монастырь и оборудовать здесь больницу для членов племени. Городские власти отвергли эту просьбу, а затем послали отряд полицейских, которые окружили здание, блокировав все входы и выходы. Началась осада монастыря. С целью затруднить положение индейцев был наложен запрет на доставку им продовольствия. Через несколько дней полиция открыла огонь по осажденным, ранив одну девочку.

В знак протеста против произвола властей и их нежелания улучшить социальное положение коренных жителей индейцы провели в городе Грешем демонстрацию.

Фото ТАСС, из еженедельника «Шпигель» и карикатуры из журнала «Ю С ньюс энд уорлд рипорт».

СЛАВНЫЙ СЫН МОНГОЛИИ

8 февраля исполняется 80 лет со дня рождения одного из основателей Монгольской народно-революционной партии и народного государства, Х. Чойбалсана.

Выходец из бедной аратской семьи, рано познавший тяготы бесправной жизни в феодально-теократической Монголии, Х. Чойбалсан уже в юности встал на путь активной революционной борьбы за национальное и социальное освобождение своей родины. В 1919 году он вместе с Д. Сухэ-Батором создает первые подпольные революционные кружки, в 1921 году принимает деятельное участие в подготовке и проведении I съезда Монгольской народно-революционной партии, возглавившей антиимпериалистическую, антифеодальную народную революцию в стране. Один из основателей и руководителей Монгольской народной армии, Х. Чойбалсан в 1922 году за доблесть и мужество, проявленные в боях против общих врагов монгольского и советского народов — белогвардейских банд, награждается советским орденом боевого Красного Знамени.

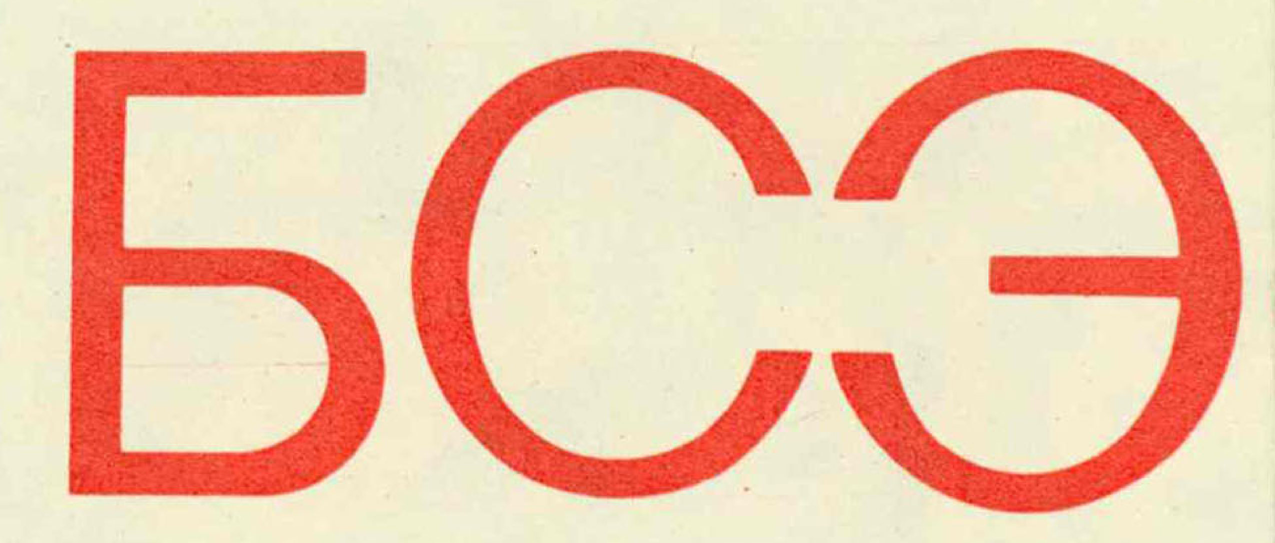
В 1924 году он назначается главнокомандующим Народной армией, в последующие годы работает на ответственных постах в правительстве МНР, а с 1939 года до конца своей жизни является премьер-министром. Вся многогранная деятельность Х. Чойбалсана в этот период неразрывно связана с борьбой МНРП, монгольского народа за осуществление глубоких преобразований во всех областях жизни общества, за создание основ современной экономики и культуры, за упрочение государственной независимости МНР. В 1939 году маршал Х. Чойбалсан командует частями Монгольской народной армии, которые вместе с Советской Армией разгромили японских агрессоров в районе Халхин-Гола.

Х. Чойбалсан был убежденным интернационалистом, последовательно выступал за развитие и укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Он говорил: «Только нерушимая дружба монгольского народа с народами Советского Союза и постоянная братская бескорыстная помощь Советского Союза монгольскому народу могли обеспечить все успехи нашего народа...» Советские люди хорошо помнят, как в 1943 году, в разгар ожесточенных боев с фашистскими захватчиками, на фронт приезжала монгольская делегация во главе с маршалом Х. Чойбалсаном, которая передала Советской Армии колонну танков, созданных на средства, собранные монгольскими трудящимися. Подпись Х. Чойбалсана стоит под Договором о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, который был заключен в 1946 году и сыграл огромную роль в развитии советско-монгольского сотрудничества в послевоенный период, когда монгольский народ создавал основы социалистического общества в своей стране.

Принципы дружбы и братства, заложенные в этом документе, получили дальнейшее развитие и углубление в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между нашими странами, подписанном в 1966 году во время визита в МНР партийно-правительственной делегации СССР во главе с Леонидом Ильичом Брежневым. Выступая в Улан-Баторе в ноябре 1974 года, товарищ Л. И. Брежнев отмечал, что «отношения между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой предстают сегодня перед всем миром как образец отношений социалистического типа, пронизанных общей заинтересованностью в успехах друг друга».

А. ТАКСУБАЕВ

К. БАРЫКИН

Что такое юбилей? Энциклопедия определяет его как годовщину знаменательного события, или «существования какого-либо учреждения». В академической дотошности этого определения нам не понравилось слово «существование» — очень уж оно не подходит к деятельности издательства «Советская Энциклопедия». Оно-то пришло к своему 50-летию в работе — активной, боевой, многообразной. Видите, какая разница: работа, а не существование!

Вот уже полвека выпускаются книги с эмблемой «СЭ», расходятся по городам и весям, и если надо найти арбитра в споре или просто получить авторитетную справку, привычно говорим: посмотрю в энциклопедии, в той же БСЭ, влиятельностью и значительностью перешагнувшей рамки обычных представлений о справочной книге, а в географическом, так сказать, плане — вышедшей и за рубежи страны. Но ведь, кроме БСЭ, издательство это представлено солидными справочниками, отраслевыми энциклопедиями, словарями.

Итак, год рождения издательства — 1925-й. Но, думается мне, есть у энциклопедий право вести отсчет несколькими годами ранее, когда Владимир Ильич Ленин поставил издание справочной литературы в ряд архиважных дел и обратился к А. В. Луначарскому с запиской о создании словаря. «Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» — спрашивал В. И. Ленин в январе 1920 года.

С двадцатых годов советские энциклопедии стали входить в дома, занимая на книжных полках место, которое потеснить никому не дано. Авторитет БСЭ очень велик. Три издания энциклопедии — история развития нашего общества, его науки, техники, культуры. И потребно чутье энциклопедистов, их глубоко партийный подход и профессиональное мастерство, чтобы разглядеть за многими событиями настрой и характер времени и сохранить их навсегда. Истоками своими энциклопедия уходит в жизнь.

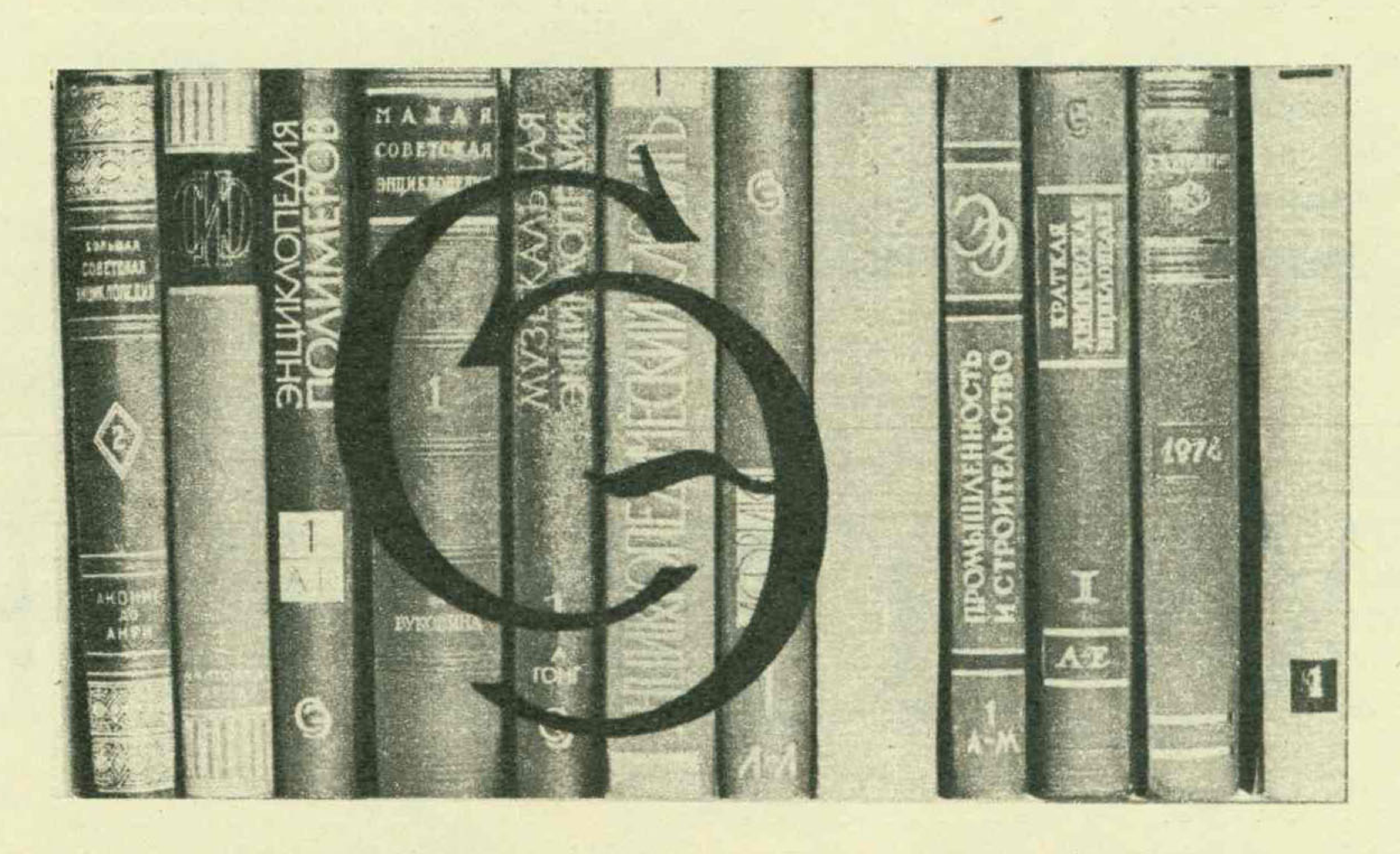
Казалось бы, что за премудрость в переиздании. Бери предыдущие тома, вставляя в них статьи по вопросам, недавно возникшим,— и вся недолга. Но ветшают не только слова, а и заключенные в них понятия. Из всех статей по физике, опубликованных во втором издании энциклопедии, в третьем едва удалось сохранить пятую часть. Но не просто сохранить, а переработать. Автоматизацию производства прежнее издание определяет как применение приборов, приспособлений, машин, действующих без непосредственного участия человека, лишь под его контролем. В нынешнем, третьем издании в определении прибавилось всего несколько слов, но за ними целая эпоха. В различные стороны жизни вторглись ЭВМ, они автоматически перерабатывают информацию, без коей немыслимо сегодня принятие правильных, научных решений.

Энциклопедии всегда группировали вокруг себя передовую науку, самых выдающихся ее представителей. Научно-редакционный совет третьего издания БСЭ (первые 18 томов уже вышли) воз-

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, ФЕДОР!

На генуэзское кладбище Стальено я попал не потому, что оно упоминается в туристических каталогах как одна из достопримечательностей на Апеннинах. Действительно, вряд ли найдешь еще место, где было бы собрано такое великолепие памятников, сработанных руками итальянских скульпторов. Но летом 1962 года меня заинтересовала на Стальено скромная могила русского партизана, захороненного в одном из уголков генуэзского «кампо санто» — так итальянцы называют свои кладбища,— где спят вечным сном бойцы Сопротивления, павшие в боях с нацистами перед самым окончанием войны, в начале 1945 года. На плите были выбиты имя, отчество и фамилия русского, звучавшие довольно странно: «Фиедар Александер Поэтан (Фиедар): место и дата смерти Канталупо Лигуре 2.2.1945». Сверху на надгробии стояли еще два слова «Медалья д'Оро», означавшие, что тот, кто лежит под ним,

— ПЯТЬДЕСЯТ

главляет академик А. М. Прохоров. На его счету эпохальные открытия, работы, увенчанные Ленинской и Нобелевской премиями. Для энциклопедий писали и Фредерик Жолио-Кюри, П. Дирак, другие ученые.

Впрочем, могут возразить знатоки, все крупнейшие энциклопедии мира обычно привлекают к сотрудничеству видных специалистов. «Для чего?» — спросили мы как-то одного зарубежного издателя, с которым встречались у стендов первой международной выставки книги. «Чтобы рассказать о природе, о науке, о технике». «А о людях?» «Конечно, конечно. Полководцы, короли, миллиардеры...» Тут собеседник открыл наугад первый том нашей энциклопедии, и на него посмотрел со страницы передовой наш строитель, Герой Социалистического Труда. И это словно лучом прожектора высветило важнейшую особенность советских энциклопедий — их демократичность.

Откройте любой том, перелистайте. Среди тех, о ком рассказывают авторы, — рабочие, колхозники, государственные деятели, военачальники, представители трудовой интеллигенции. А. Г. Стаханов, К. А. Борин, С. Д. Виштак, Е. П. Агарков, проявивший непревзойденное мастерство и самоотверженность в военные годы, когда работал он на одном из уральских заводов, дававшем фронту танки. Кто его не помнит, Агаркова, — и вот он, в энциклопедии. А неподалеку — П. Н. Ангелина. Рассказали нам об эпизоде, связанном с нею. Как-то внимание одного из зарубежных деятелей науки обратили именно на эту особенность нашей энциклопедии. Гость помолчал. Потом вспомнил: «В «Британике» тоже есть рассказ о лорде, который вышел из народа!» Узнав об этом, Ангелина сказала: «Я-то не из народа, а с народом, с ним вместе поднималась и если попала в энциклопедию, то как часть нашего народа, как его представитель».

Советская энциклопедия прослеживает судьбы героев, а через них и дыхание времени, его заботы, движение вперед, потому что без такой диалектики даже энциклопедия мертва, бесстрастна.

Может, и это обстоятельство играло свою роль, когда американские издатели принимали решение о переиздании БСЭ-3. Делают это они в таком темпе, что даже не ждут выпуска всех томов, чтобы потом рассортировать статьи в соответствии со своим алфавитом. Берут только что вышедший том и выпускают — иногда обходясь без иллюстраций, которые задержали бы печатание книги, и вовсе не в таком великолепном полиграфическом исполнении, которое отличает нашу энциклопедию.

«Как профессионалы, — отмечает вице-президент американской издательской корпорации «Макмиллан» Уильям Д. Холси, — мы считаем данное издание уникальным, так как оно представляет собой богатейшую сокровищницу, из которой англоязычный читатель может черпать полезную информацию по различным областям человеческих знаний». И добавляет: «Мы считаем, что эта публикация имеет огромнейшее значение, потому что позволяет англосаксонскому миру открыть настоящий кладезь знаний во всех областях. Мы знаем, что к изданию проявляется большой интерес, ибо уже до поступления в продажу первого тома мы реализовали 25 процентов тиража по абонементам. Так что показатель интереса очень высок, беспрецедентен. Нас радует также и реакция подписчиков, которая является в высшей степени лестной». Впрочем, интерес этот подтверждается еще одним обстоятельством — цена каждого тома около 50 долларов. Но не только в США высоко оценивают наши энциклопедические издания. Мне показали тома, изданные в Греции. В Италии намерены издать гуманитарную часть БСЭ.

...На рабочем столе первого заместителя главного редактора БСЭ Сергея Митрофановича Ковалева я увидел верстку очередных томов. Издается энциклопедия прекрасно — в этом заслуга 2-й Московской типографии. Отлично выполнены иллюстрации. Специальный шрифт, созданный для третьего издания, знаменитая «кудряшовская» гарнитура, хорошо читается. Он очень экономичен и значительно повысил емкость каждого тома: здесь статей больше, чем во втором, 50-томном издании. Почта издательства отмечает добрый прием, оказанный читателями БСЭ-3 и другим изданиям «Советской Энциклопедии». Впрочем, среди по-деловому одобрительных писем попадается и критика, иногда даже курьезная. Старший инженер Л. Ф. Арсеньев, анализируя один из энциклопедических словарей, пишет: «В первом томе статья «Адам» есть, а статьи «Ева» нет. Как бы там ни было, но справедливости нужно придерживаться». Ему вторит Гавриил Маркович Франко из Донецкой области: «Не нашел слова «любовь». Правда, я уже пенсионер, мне любовь вроде бы ни к чему, но статья-то на эту тему должна быть». Конечно, должна. И появилась.

В сфере забот издательства — не только Большая Советская Энциклопедия. Сейчас создана единая, стройная энциклопедическая система, в которую входят и республиканские энциклопедии, и общесоюзные универсальные, и отраслевые, и тематические. Едва ли нуждается в комментариях, например, Экономическая, Историческая, Географическая энциклопедии. Не обойден вниманием издателей и цирк, есть Музыкальная, заканчивается восьмой том Литературной.

Читателю уже знакомо издание спортивной справочной книги, а сейчас, в преддверии московской Олимпиады, задуман энциклопедический том «Олимпиада». И еще одна строка из плана издательства — подготовка однотомной книги для каждой семьи, 80 тысяч статей книги вторгнутся с присущей энциклопедиям точностью и авторитетностью во все области нашей жизни. И мне хочется, чтоб была в этом однотомнике статья, которая расскажет читателю и о самой Энциклопедии, о том, с чего она начиналась и чем стала.

награжден Золотой медалью за военную доблесть.

В Ассоциации генуэзских партизан мне показали тогда правительственный декрет, которым Итальянская Республика наградила советского солдата своим высшим воинским отличием. «Являя собой пример дисциплинированности и мужества, — говорилось в нем, — зная, что идет на верную смерть, Фиедар Поэтан во время атаки противника ринулся в гущу врагов и открыл огонь. Нападение было столь внезапным и смелым, что противник растерялся и был вынужден сдаться. Немцы понесли потери, было захвачено много пленных. Во время этого героического эпизода, изменившего в тот день весь ход событий, Фиедар Поэтан пал смертью героя во имя идеалов свободы народов».

Это случилось тридцать лет назад, 2 февраля 1945 года... Прошло несколько лет, и мир узнал, что русский партизан, совершивший бессмертный подвиг, — это сержант Советской Армии Федор Андрианович Полетаев. К Золотой медали героя Италии прибавилась Золотая Звезда Героя Советского Союза. Эпитафия на надгробии была приведена в соответствие с историей. Его именем были названы площади, улицы, корабли...

На могиле Федора Полетаева всегда живые цветы. Их приносят итальянские женщины и советские люди, которые приезжают в Геную. Часто тишину стальенского кладбища нарушает мерный шаг колонны. Обнажив головы, с приспущенными знаменами идут наши моряки с пришвартовавшихся к генуэзским пирсам кораблей, идут, чтобы постоять в скорбном молчании у могилы Героя Советского Союза и Италии, чтобы поклониться праху его от имени всех советских людей.

Мне довелось исколесить немало итальянских дорог, побывать в больших и маленьких городах. И не так уж редко мелькал на перекрестках шоссе или на сельском кладбище каменный обелиск с лаконичной надписью: «Партизан Саша», «Партизанка Таня»... Их незабываемые подвиги, занесенные на золотые страницы героической книги итальянского Сопротивления, еще ждут своего исследования. Нет, не только для истории, но и для нынешнего поколения итальянцев, потому что вновь зашевелились на Апеннинах наследники дуче, пытающиеся опять посягнуть на демократические свободы, завоеванные в кровавых схватках с фашизмом.

Мертвые бойцы передают свою эстафету борьбы ныне живущим. Именно поэтому имя твое бессмертно в веках, Федор!

Л. КОЛОСОВ

Генуя. Кладбище Стальено — у могилы Федора Полетаева со знамем партизанских отрядов Гарибальди моряки танкера «Федор Полетаев» и оставшиеся в живых партизаны. Фото Я. Халипа.

Виктор ПУЗЫРЬКОВ,
народный художник
Украинской ССР,
кавалер ордена Славы

ХУДОЖНИКИ-БОЙЦЫ

Сейчас наше поколение почтительно называют ветеранами. А на фронте мы были двадцатилетними. То, что мы тогда пережили, наложило отпечаток на нашу дальнейшую судьбу, наше творчество. Когда осенью 41-го под Фастовом меня ранило, я пролежал в поле весь вечер и ночь, пока за мной не вернулся мой боевой товарищ Алеша Слабоденко. Кругом была вспаханная снарядами земля, обуглившиеся танки, в воздухе висело черное марево от дыма и пыли. Горел на корню хлеб, небо рассекали багровые полосы от догоравших, подбитых машин. Я думал: если выживу и стану художником, всю жизнь буду писать о войне, рассказывать людям правду о том, что узнал сам, что выпало на долю моим товарищам.

На цветной вкладке этого номера журнала «Огонек» представлены работы некоторых моих друзей по искусству, художников-фронтовиков.

Алексей Артамонов. Летом первого года войны его ранило под Старой Гутой. Будущего художника подобрал, спрятал и выходил поляк-лесник. Как только слегка зажили раны, Алексей раздобыл оружие и начал сколачивать подпольную группу. Зимой в ней было уже 26 человек, они совершали дерзкие, рискованные диверсии. Через несколько месяцев этот небольшой отряд влился в крупное партизанское соединение имени доктора Михайлова, которым командовал Герой Советского Союза А. З. Одуха. Партизаны дислоцировались в районе Шепетовки и контролировали важнейшую для гитлеровцев железнодорожную магистраль на Ровно. 83 вражеских эшелона и 5 лесопильных заводов на счету отряда, где заместителем командира был Алексей Артамонов. 12 железнодорожных составов он пустил под откос своими руками. Во главе небольшой группы уничтожил лесопильный комбинат в Малине вместе с находившимся там деревянным мостом, который фашисты приготовили для форсирования Днепра. За эту операцию, проведенную блистательно и остроумно, Алексей Михайлович был награжден орденом Ленина.

На привалах, в минуты отдыха он жадно рисовал, делал наброски сурового, но колоритного партизанского быта. Писал заснеженный лес, весенние проталины, своего друга Ивана Дивака, пионеров-партизан — Героя Советского Союза легендарного Валю Котика, Сашу Гипса. И глаза женщины-матери, пришедшей в отряд народных мстителей со всей своей семьей. Триста зарисовок зарыл в землю будущий художник перед одним из тяжелых рейдов. Но потом так и не нашел их. Не удалось это сделать и пионерам-следопытам из села, расположенного поблизости. Но и без тех документальных набросков в сердце осталось главное — люди, их патриотизм, мужество, жажда свободы.

Все это и стремится передать Алексей Артамонов в своих полотнах. Память цепко держит все детали, каждый день тех огненных партизанских лет. Пальцы, кажется, все еще чувствуют, как тверда и неподатлива земля между шпалами, в которую надо заложить двенадцать килограммов тола. Немецкие часовые приближались каждые пять минут, и тогда приходилось прятаться за насыпь, выжидать и снова разрывать изуродованными, саднящими ногтями и ладонями спрессованную в камень почву... До сих пор перед глазами иногда возникает грандиозное зрелище взрыва: сначала начинает вращаться вокруг своей оси паровоз, затем слышится грохот, летит в небо пламя, состав рассыпается, как игрушечный, рвутся вагоны, слепящее зарево охватывает полнеба.

С годами отсеиваются частности, все глубже идет осмысление подвига народа, ярче предстает образ советского человека, его характер. Произведение, которое воспроизводится на вкладке, художник назвал «После боя». Как бы ни было удачно сражение, оно не обходится без потерь. Убили любимого. Убили друга. В трагедии одной жизни — судьба сотен тысяч людей. Снова строится отряд, снова рейд, может быть, еще более опасный. Велико горе, но тверда решимость бороться, сражаться с врагом до полной победы. Мне кажется, что эта картина — творческая удача живописца. Только зная досконально партизанский быт, обстановку, можно создать такую вещь. Она написана легко и звучно, хотя и сдержанно по колориту.

Фронтовики знают, как тяжело потерять в бою друга. И художников-ветеранов не может не волновать, не будоражить эта тема. Особой силы достигает она в скульптурном произведении Василия Бородая «Памяти товарища». Полковой разведчик Бородай прошел всю войну, от первого до последнего дня, и награжден двумя орденами Отечественной войны. Не знаю, подвергался ли кто большей опасности и мог ли кто больше разведчика дорожить другом. Недаром говорят, оценивая человека: «Я бы пошел с ним в разведку». Боль утраты в произведении В. Бородая так сильна, что кажется, скорбит весь мир, и земля бережно принимает героя в свои объятия.

Нельзя не помнить о войне, нельзя не писать о ней. «Награда за отвагу солдату» — в этом произведении нет ничего сочиненного. Оно сделано с хорошим настроением, точно и верно по наблюдению. Думаю, что пехотный офицер Александр Вовк не раз был свидетелем награждения солдат. Безусловно, сюда привнесены и личные впечатления. Возможно, художнику вспомнилось, как ему, только что окончившему военное училище, перед строем объявили благодарность командования за отличное обучение бойцов. Гордость, радость, чувство ответственности и желание оправдать доверие — эти же чувства испытывает его герой, которому боевой генерал вручает награду.

...В 1943 году под Воронежем в один из формировавшихся полков пришел шестнадцатилетний Виктор Шаталин, ныне народный художник Украины. Был он невысок ростом, худ и выглядел намного моложе своих лет. Его долго не хотели брать на фронт, но все-таки Виктор добился своего. Как тогда бывало, стал сыном, воспитанником полка. Воевал, был связистом. После победы служил в Киеве и одновременно учился в художественном институте. У каждого художника есть свои привязанности. У Шаталина это конница, непобедимая, вихревая, стремительная. Отец художника, участник гражданской войны, много рассказывал сыну о подвигах красноармейцев. Романтика тех лет, подвиги юных бойцов Красной Армии прочно вошли в его сердце, в его жизнь, в его творчество. Картина, представленная на вкладке, рисует один из напряженных эпизодов битвы за Москву, в которой участвовали кавалеристы генерала Доватора. А недавно за живописные полотна, посвященные комсомолу в годы гражданской войны: «Боевое задание», «Этих лет не смолкнет слава», «Собирались отряды юных бойцов» — Виктор Шаталин был награжден медалью имени художника-баталиста М. Б. Грекова.

Тяжелым ратным трудом была минувшая война. Может быть, потому украинские художники, бывшие фронтовики, так тянутся к рабочей теме. Старший лейтенант артиллерии, командир батареи, начальник разведки Михаил Бельский, награжденный двумя орденами Отечественной войны, вдохновенно пишет рабочих и инженеров прокатного стана «3600» на «Азовстали». И конечно, не случайно героем одного из своих полотен он выбирает своего однополчанина, кавалера ордена Ленина, заслуженного металлурга СССР П. Власова. Не так давно бригада киевских художников работала на заводе «Большевик». Они создали сорок портретов рабочих, служащих и подарили эти полотна предприятию.

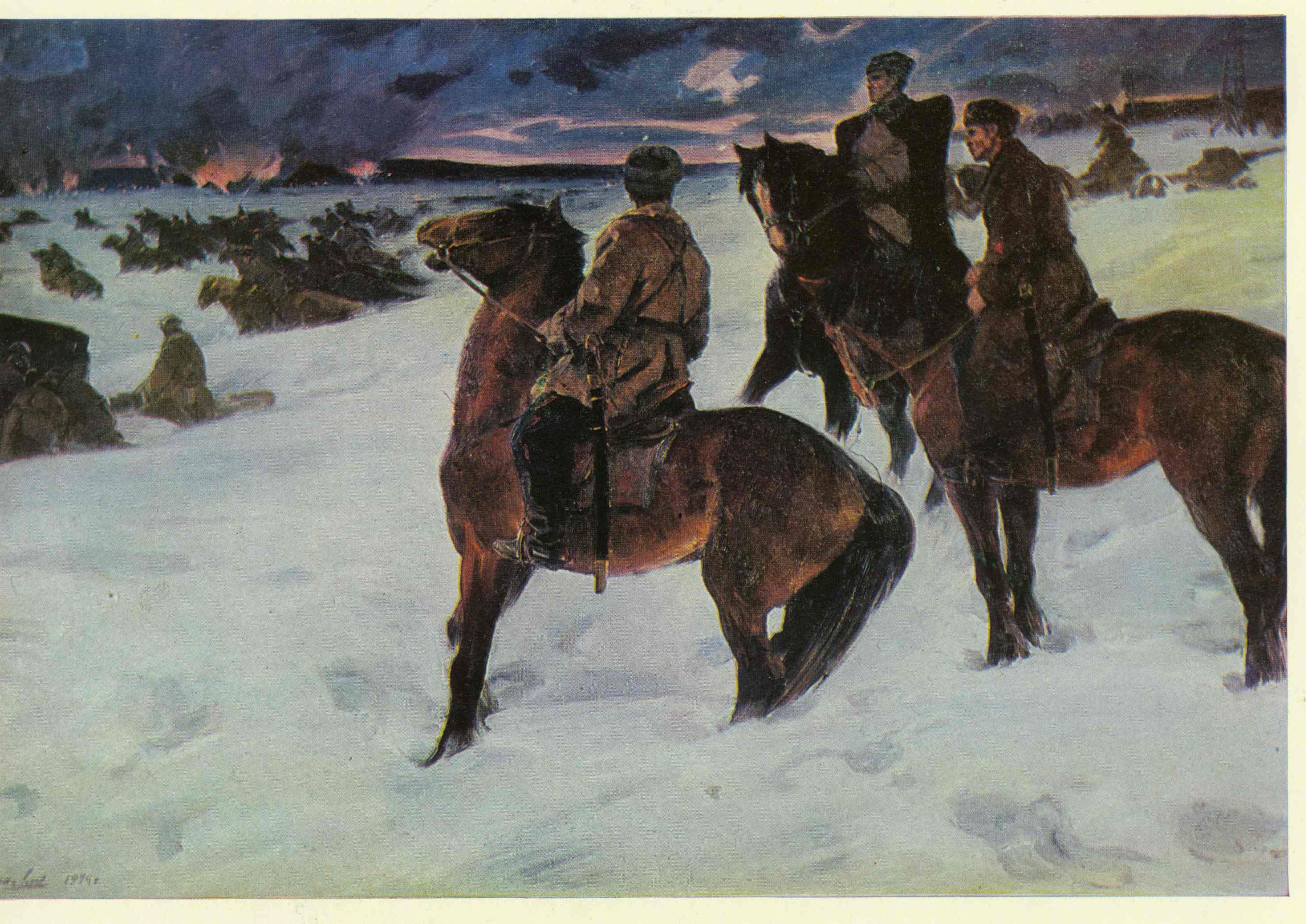
Война стала испытанием на прочность советского характера. Я много думал об этом, мне не давала покоя история об одной девушке, активной и смелой подпольщице, студентке художественного института. Она была старше меня на два курса, красивая, решительная, очень способная. Сейчас ее имя сияет золотыми буквами среди имен выпускников и студентов, павших героями в борьбе с фашизмом. В начале войны я был в Киеве, на далекой окраине вместе с другими добровольцами проходил солдатское обучение. Помню город, сразу словно нахохлившийся, пустой, неуютный. Все чаще эти смутные воспоминания, как видения, представали передо мной, и однажды осенью, идя на занятия в институт к своим студентам, таким же юным, как те подпольщики, я вдруг отчетливо представил себе тяжелые, страшные для Киева дни и наших ребят, презиравших опасность, самоотверженных, стойких. Так родилась картина «Киев, 1942 год».

В душе я всегда считал себя маринистом, люблю море, понимаю его и когда-то мечтал быть военным моряком. Потому, наверное, моей первой картиной стали «Непокоренные» — моряки, замученные фашистами, но не сломленные, встречающие смерть пением «Интернационала». В Великой Отечественной войне русский советский флот укрепил свои славные, доблестные традиции. Бесстрашно воевали наши моряки, наводя ужас на противника. Именно этот героизм, силу духа, отвагу мне хотелось передать, когда работал над картиной «Черноморцы».

Людская память хранит лишь то, что великой радостью или горькой бедой пронзило сердце, разбередило душу и осталось с человеком навсегда. Каждой весной ко Дню Победы в Киеве открывается выставка работ украинских художников, сражавшихся с фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Кроме произведений тех мастеров, с которыми вы познакомились сегодня, здесь можно увидеть живописные полотна кавалеров ордена Славы В. Забашты и Л. Чичкана, ныне преподавателей Киевского художественного института; картины, созданные бывшим гвардии старшим сержантом механиком-водителем танка Т-34 В. Одайником, рядовыми В. Полтавцом и А. Лопуховым; скульптуры А. Белостоцкого, графические листы А. Иовлева, награжденного орденом Красной Звезды, работы по дереву кавалера ордена Ленина Н. Кищука и другие произведения ветеранов, художников-бойцов.

А. Вовк. НАГРАДА ЗА ОТВАГУ СОЛДАТУ.

В. Шаталин. В БОЯХ ЗА МОСКВУ.

Мамед ФАИК

СВЕТ ОКОН

ЛЕСНОЙ МАЯК

В кромешной тьме,
в лесной глуши
затеряна сторожка,
где на снегу
не мудрено
увидеть волчий след.
Как огонек
живой души,
горит ее окошко,
и манит
путников оно,
как бабочек на свет.
В глухой ночи
крадется волк
к овечьему загону
и поворачивает вспять,
завидев этот свет.
Но есть и люди,
что живут
по волчьему закону.
А в этом доме
и замка,
крючка
на двери нет.
Когда осенние дожди
размоют все дороги,
когда в тумане
не видать
ни вешек,
ни примет,
когда в лесу
и днем темно
и сыро, как в берлоге,
тогда лесник
в своем окне
и днем
не гасит свет.
Непроходимы
склоны гор,
угрюмы и лесисты.
Но как меняются они,
когда весна в горах!
Напрасно
ловкостью своей
бахвалятся лисицы,
в такие дни
и на зайчат
не нападает страх.
И медвежатам
под сосной
играется так славно!
И понемногу
станет ночь
куда короче дня.
Но все равно
горит окно
у старого Аслана,
как будто лампу
он зажег
от Вечного огня.
Так завещала
леснику
покойница-старуха.
И миновало
с той поры
уж много-много лет.
Но и теперь
у старика,
как у лесного духа
любви, надежды и добра,
горит в окошке свет.

* * *

Меткой пулей сразил
на охоте джейрана
и глядел, как дымится
смертельная рана...

Да отсохнут руки мои!

А ведь сам говорил,
как ни больно, ни странно:
«Ничего нет вкусней
шашлыка из джейрана!»

Да отсохнет язык у меня!

ОКНО НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

На главной улице Баку
в пятиэтажном доме
живет художница одна,
она немолода,
но молода у нее душа
и сердце молодое,
хотя ее не обошли
ни горе, ни беда.
На выставке ее картин
всегда столпотворенье.
Ведь на любом ее холсте
мгновенье длится век.
Вот обновленная земля,
как в первый день творенья.
А вот и сам ее творец —
рабочий человек.
Плодами матери-земли
беременны деревья.
Влюбленные идут к реке
по утренней росе.
И люди, поглядев на них,
становятся добрее,
как будто силой волшебства
помолодели все.
И негде яблоку упасть —
так тесно в этом зале.
И книга отзывов полна,
залистана до дыр.
Сюда идут, чтобы взглянуть
на мир ее глазами
и удивиться вместе с ней:
как ярок этот мир!..
На главной улице Баку
в пятиэтажном доме
живет художница одна,
она немолода,
но молода у нее душа
и сердце молодое,
хотя ее не обошли
ни горе, ни беда.
Ее любимый был убит
на подступах к Берлину,
когда взбесившийся фашист
бомбил понтонный мост.
Воображение само
диктует ей картину,
которую не хватит сил
перенести на холст.
Как тяжко ей по вечерам
и как ей одиноко!
За тридцать лет не умерла
любовь в ее душе...
Кончается рабочий день.
И в доме гаснут окна.
Лишь за полночь
горит окно
на пятом этаже.

ОДИНОКИЙ ЯГНЕНОК

Чу! Свирель!
Мир притих,
присмирел,
только блеет
на склоне горы
одинокий ягненок.

О свирель чабана!
О чем плачет она,
словно блеет
на склоне горы
одинокий ягненок?

На когтях у орла
запекается
свежая кровь.
А свирель все поет
и поет про любовь.
Или блеет
на склоне горы
одинокий ягненок?

Овцы щиплют траву,
слушать им недосуг,
если это свирели
надтреснутый звук,
а не блеет
на склоне горы
одинокий ягненок.

Тяжелеет трава
от вечерней росы.
Все спокойно —
ни ветра,
ни свиста косы,
только блеет
на склоне горы
одинокий ягненок.

ОБЛАКА

От метелей и от вьюг
облака спешат на юг,
как двугорбые верблюды,
и на каждом хлопка вьюк.

«До зимы еще далеко,
кто ж вас гонит раньше срока
со двора? — говорю.—
Даже птицам перелетным
не пора!» — говорю.
«Может, птицам перелетным
мы немного и сродни,—
отвечают мне они,—
но не холод и не голод
нас на юг отсюда гонят,
не от бурь и не от вьюг
мы торопимся на юг.
Дождевые облака,
мы нужней в пустыне,
там, где влаги ни глотка
нету и в помине,
кроме крови,
кроме слез,
кроме пота.
Лишь одна у нас мечта
и забота:
землю эту напоить,
раны черные обмыть,
чтобы справилась
с недугом
земля
и воспрянула бы
духом земля...»
И попутного ветра
пожелал я облакам.
Их заждались, наверно,
но теперь они уж там.

Перевел с азербайджанского
Евгений ЕЛИСЕЕВ.

ПОМОЧЬ И НУЖНО И МОЖНО

В «Огоньке» № 38 за прошлый год было опубликовано письмо читателя Л. Осадчего «Помогите нашим детям». Речь шла о том, чтобы организовать для людей с недостатками слуха экспериментальную группу по подготовке специалистов в области электроники. Редакция получила отклики на это письмо. Сегодня мы публикуем два из них. Один — читательский, другой — официальный. Редакция присоединяется к мнению, изложенному в официальном письме, где высказан оптимистический, деловой подход к решению поднятой в журнале проблемы.

«Смею заверить вас, как специалист, что работать на электронно-вычислительной машине лицам с пониженным слухом, а тем более глухим, НЕВОЗМОЖНО. ЭВМ в процессе работы должна прослушиваться, и нужно различать все нюансы.

Жаль, конечно, детей, но товарищи, отказавшие им в обучении на ЭВМ, несомненно, правы.

Инженер АБАГОРОВ.
Вычислительный центр Сибирского отделения Академии наук СССР».

«Управление кадров и учебных заведений Министерства электронной промышленности СССР сообщает, что... было бы целесообразно организовать такую группу в Московском машиностроительном техникуме имени Дзержинского Министерства автомобильной промышленности. В этом специализированном техникуме обучение людей с недостатками слуха и речи ведется с 1943 года, то есть более 30 лет. Там накоплен богатый опыт преподавательской и методической работы, имеются специалисты-переводчики и преподаватели-дефектологи. Дирекция Московского машиностроительного техникума имени Дзержинского согласна организовать обучение по специальности «Программирование для быстродействующих математических машин», а Министерство электронной промышленности готово оказать помощь приборами и счетно-вычислительной техникой для оборудования специальных лабораторий и кабинетов.

Заместитель начальника управления
В. КУНИН».

КЛУБ НЕРАЗГАДАННЫХ ТАЙН

СЛЕДЫ НЕВИ

«...Интересный клуб. Прошу принять меня в его члены»,— пишет нам Семенов Семен Никифорович из поселка Мышкино, Ярославской области.

«Неразгаданные тайны — стимул к научному поиску!»— вторит ему студент Новгородского пединститута Владимир Суховаров.

Спрашивают, можно ли получить ответы на вопросы, связанные с тайнами природы, истории, искусства и литературы, читатели Г. К. Марцинкевич из Райчихинска, Амурской области, М. Мизко из Киева, И. Корчагин из Воронежской области. Инженер И. А. Гальперин из Куйгана, Алма-Атинской области, А. В. Шевкунов из Лениногорска, Восточно-Казахстанской области, и другие товарищи сами рассказывают о необъяснимых случаях, свидетелями которых они были.

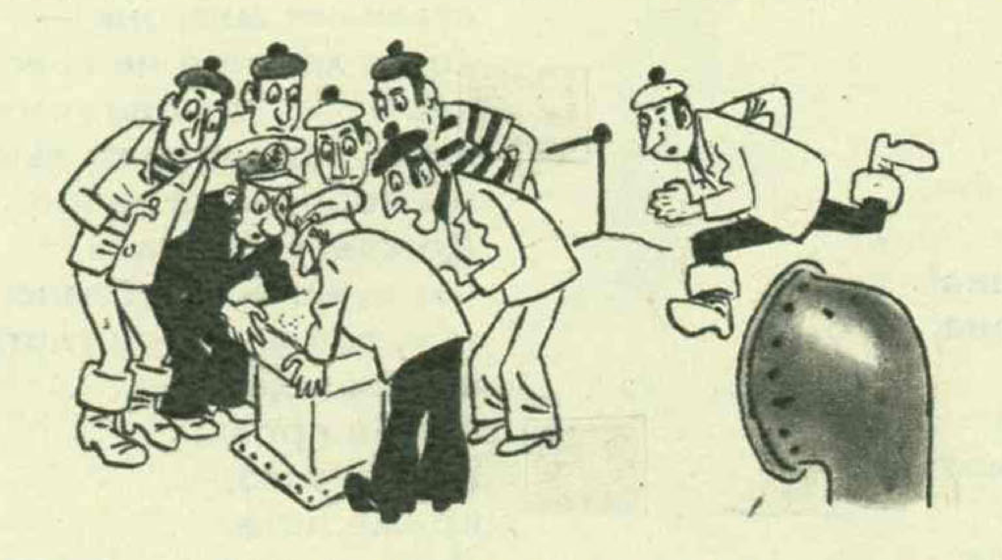
Но, пожалуй, больше всего поступило в редакцию писем в связи с опубликованием материалов о тайнах Мирового океана. «Есть ли в океане животные гигантских размеров, морские змеи или драконы, которые до сих пор неизвестны науке!»— этот вопрос чаще всего задают читатели.

Многие из них ссылаются на сообщения, прошедшие по зарубежной и советской печати, о чудовище в озере Лох-Несс, спрашивают, не получены ли о нем новые сведения.

Мы попросили одного из участников заседания Клуба, посвященного проблемам океана, известного океанолога Никиту Львовича Зенкевича прокомментировать эти сообщения и рассказать о собственных наблюдениях, связанных с поисками в глубинах океана «невиданных зверей».

Знаменитая эхограмма, полученная траулером «Райвел».

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ:

— Во время прошлой беседы я уже рассказывал о том, что основная моя специальность — глубоководная фотография. Сотни и тысячи фотографий дна океанов на глубинах в несколько километров — результат десятков научно-исследовательских рейсов, в которых мне довелось участвовать. Скажу прямо, ни на одной из моих фотографий я не видел ничего, даже в малейшей степени напоминающего знаменитого «морского змея», о котором ходит столько легенд. Однако...

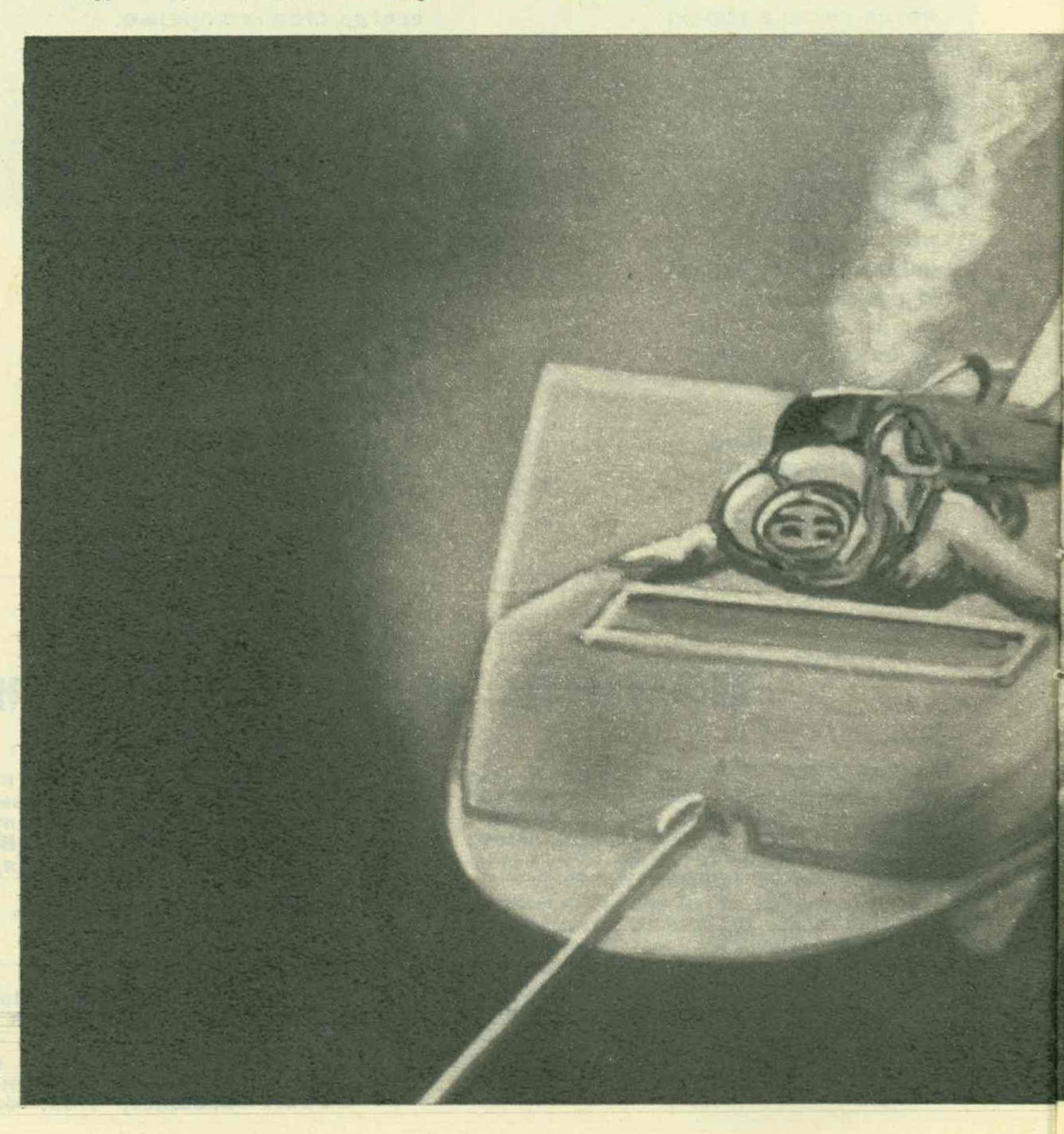
Впрочем, сначала мне хочется познакомить читателей с мнением Джеймса Дагана, члена известной экспедиции Кусто на судне «Калипсо» в Средиземном и Красном морях, в Индийском океане, участника съемки подводного фильма «В мире безмолвия».

В своей книге «Человек в подводном мире» он так описал весьма любопытный случай, связанный со знаменитым озером Лох-Несс в Шотландии, который до сих пор вызывает самые различные толки:

«Как-то утром в декабре 1954 года питерхедский траулер «Райвел» бороздил спокойные воды озера Лох-Несс, собираясь через Каледонский канал выйти к западным рыбным отмелям. Капитан траулера и вся команда завтракали, на палубе у руля оставался только помощник капитана Питер Андерсон, он включил эхолот и довольно рассеянно наблюдал, как перо вычерчивало линию дна, показывая уклон, достигающий глубины 540 футов (примерно 160 метров). Внезапно Андерсон заметил, что в 180 футах над грунтом находится какая-то темная масса. Он стал внимательно вглядываться: таинственное пятно было слишком темным и слишком четким для косяка рыбы.

Перед его глазами стали вырисовываться очертания сказочного чудовища — рогатого дракона. Перо вычертило передние лапы, толстое туловище, шип на спине. «Я не мог поверить своим глазам,— рассказывает Андерсон.— Я позвал остальных, у штурвала собралась толпа». И все увидели завершение странного портрета: задние лапы, постепенно появилась еще одна пара лап и, нако-

Исследования «подводного царства» на акваплане.

ДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

нец, длинный извивающийся хвост. Чудовище было длиной пятьдесят футов. После этого прибор вновь стал рисовать рельеф дна. Питер Андерсон резко повернул руль на обратный курс. Все впились глазами в ленту, но между двумя подводными пиками уже ничего не было...

Они оторвали кусок ленты с изображением чудовища и стали внимательно изучать его. Бумага, переходившая из рук в руки, измялась и запачкалась. Когда траулер вернулся в Питерхед, все, кому показывали ленту, в один голос восклицали: «Да это же Несс! Чудовище Лох-Несс!» Но кое-кто усомнился, подозревая, что это мистификация. Обиженные рыбаки отнесли обрывок ленты к Сауткотту, главному эксперту фирмы «Келвин энд Хьюз», которая изготовила их эхолот. Он исследовал обрывок под лупой. «Бумага и чернила, бесспорно, подлинные,— заявил он.— Я не вижу никаких следов фальсификации или подделки. Это подлинное изображение подводного объекта и, несомненно, какого-то живого суще-

грамме даже, можно сказать, чересчур впечатляющее. Какой-то фантастический зверь. Не могли бы вы, Никита Львович, прокомментировать и рассказ и эхограмму?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ:

— На мой взгляд, этот рассказ может быть одинаково интересен и как свидетельство очевидцев и как фрагмент из научно-фантастической повести. Для того, чтобы судить о его достоверности, надо было быть на борту траулера. А вот что касается эхограммы, то тут другое дело. Пожалуй, не будет нескромностью с моей стороны, если я скажу, что в эхограммах разбираюсь неплохо. Ведь во время исследовательских рейсов мое место, кроме того времени, когда я занимаюсь подводным фотографированием, в рубке у эхолота.

Эхолот вычерчивает рельеф дна, и я, можно сказать, выбираю, следя за эхограммой, наиболее интересные местечки дна для фотографирования. Так что за много лет и десятки рейсов в океане привык читать эхограммы, разбираться в них.

Мне довелось увидеть почти ни одной эхограммы, на которой прибор зафиксировал бы что-то непонятное мне, необычайное. И рельеф дна, и косяки рыбы, которые так четко видны на эхограммах, не представляют ничего непонятного, загадочного. Однако я сказал «почти», потому что вспоминаю две или три эхограммы, на которых я, пожалуй, видел нечто необычайное.

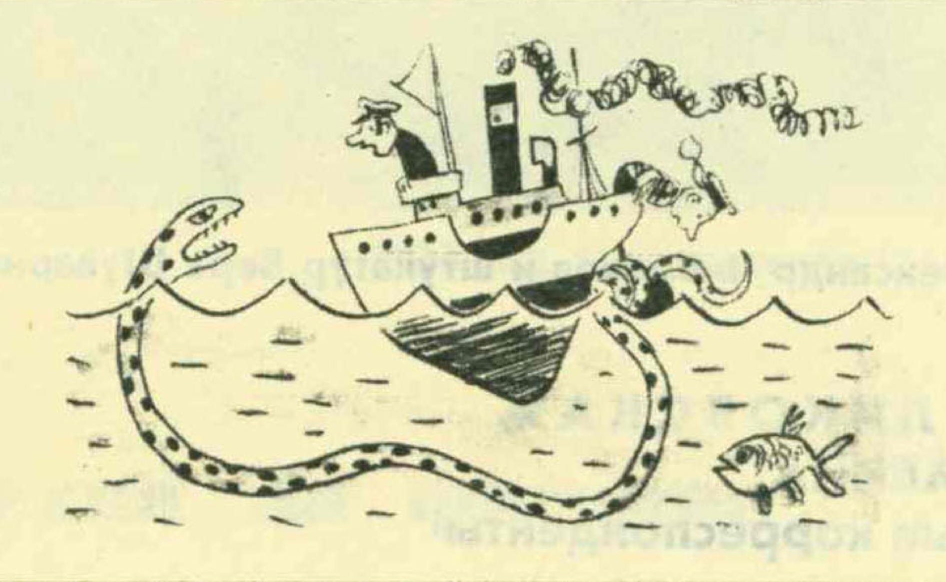
На большой глубине в океане эхолот засек какое-то громадное тело. Похоже, что это было неизвестное животное.

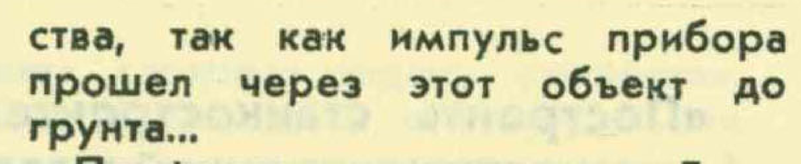
Корреспондент:
— А может быть, это был все-таки косяк рыбы или кит?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ:

— Не косяк, точно! Кит, вряд ли... Однако если бы мне пришлось докладывать своим коллегам-ученым, я бы воздержался от упоминания об этих записях эхолота. Слишком большая была там глубина, слишком мало и неопределенно изображение. Так что, говоря о возможной встрече с неведомым зверем, я руководству-

ства, так как импульс прибора прошел через этот объект до грунта...

Профессор университета в Глазго, доктор Слек, посмотрев эхограмму «Райвела», сказал: «Это, безусловно, какое-то животное, но по своему строению оно резко отличается от всех известных нам представителей животного мира».

Я привел вам столь обширную выдержку из книги Джеймса Дагана потому, что в ней мы находим, пожалуй, самое любопытное свидетельство о знаменитом чудовище озера Лох-Несс, о котором спрашивают читатели. Кстати, два года назад группа наших спортсменов-аквалангистов побывала на одном из озер Сибири, про которое в народе бытуют легенды, аналогичные рассказам об озере Лох-Несс. Якобы и там тоже живет какое-то чудовище. Нашим исследователям не удалось увидеть этого монстра, но они, насколько мне известно, не оставляют надежды повторить свой поход в те труднодоступные места.

Корреспондент:
— Рассказ Дагана, несомненно, интересен, а изображение на эхо-

Думаю, что могу с полным основанием присоединиться к мнению английских специалистов о том, что эхограмма «Райвела» подлинная. А во-вторых, полагаю, что на ней изображен не косяк рыбы и не отдельная огромная рыба. Пожалуй, точнее всех сказал профессор из Глазго, что это какое-то животное, но оно резко отличается от всех нам известных.

Корреспондент:
— Ну а вам, Никита Львович, во время ваших многочисленных дальних плаваний не приходилось встречаться с таинственными обитателями глубин?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ:

— Любопытно, что даже на такой простой вопрос однозначно ответить трудно. Судите сами.

Я уже сказал, что в рейсах мне пришлось просмотреть целые километры эхограмм дна. А эхограммы, между прочим, можно сравнить с аэрофотоснимками. Так же как в снимках с самолета люди непосвященные почти ничего не поймут, и на эхограммах человек, взглянувший на них впервые, мало что увидит.

Так вот, за годы плаваний мне

юсь скорее интуицией, чем точными наблюдениями.

Корреспондент:
— А других встреч у вас не было?

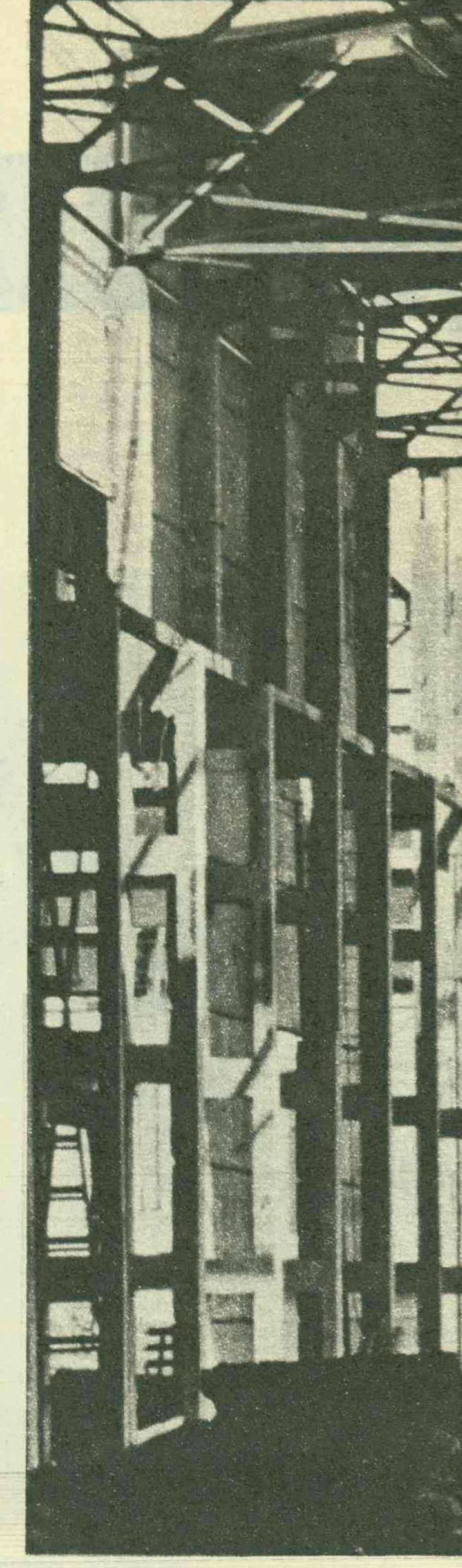
Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ:

— У меня нет. Но мои коллеги кое-что мне рассказывали. Например, один из экспериментов, связанный с сейсмикой, потребовал взрыва на большой глубине в океане. Так вот, после взрыва мой товарищ, заметьте, биолог, внезапно увидел, как на расстоянии около полукилометра за кормой научно-исследовательского судна поднялось над водой какое-то огромное туловище и через мгновение исчезло в глубине.

Другой коллега рассказывал о том, как однажды в рейсе неподалеку от судна внезапно появилась огромная голова неведомого животного. Но подобные мимолетные и кратковременные наблюдения, конечно, не могут служить основой для серьезного разговора. Так что вопрос по-прежнему остается открытым. Тайны океана ждут разгадки.

Вел беседу
Марк БАРИНОВ.

Бригадир Александр Чибриков и штукатур Вера Шуварикова.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

САСОВО.

«Построить станкостроительные заводы по производству автоматических линий в городах Сухиничи и Сасово».

Из Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

Геодезисты Антонина Лощенкова и Вячеслав Рыжиков поставили в чистом поле первый колышек.

«Построить станкостроительные заводы по производству автоматических линий в городах Сухиничи и Сасово».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

ТОРЖЕСТВО ПЕРВОГО КОЛЫШКА

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото К. КАСПИЕВА,

специальные корреспонденты «Огонька».

50 ЛЕТ В 1975 ГОДУ

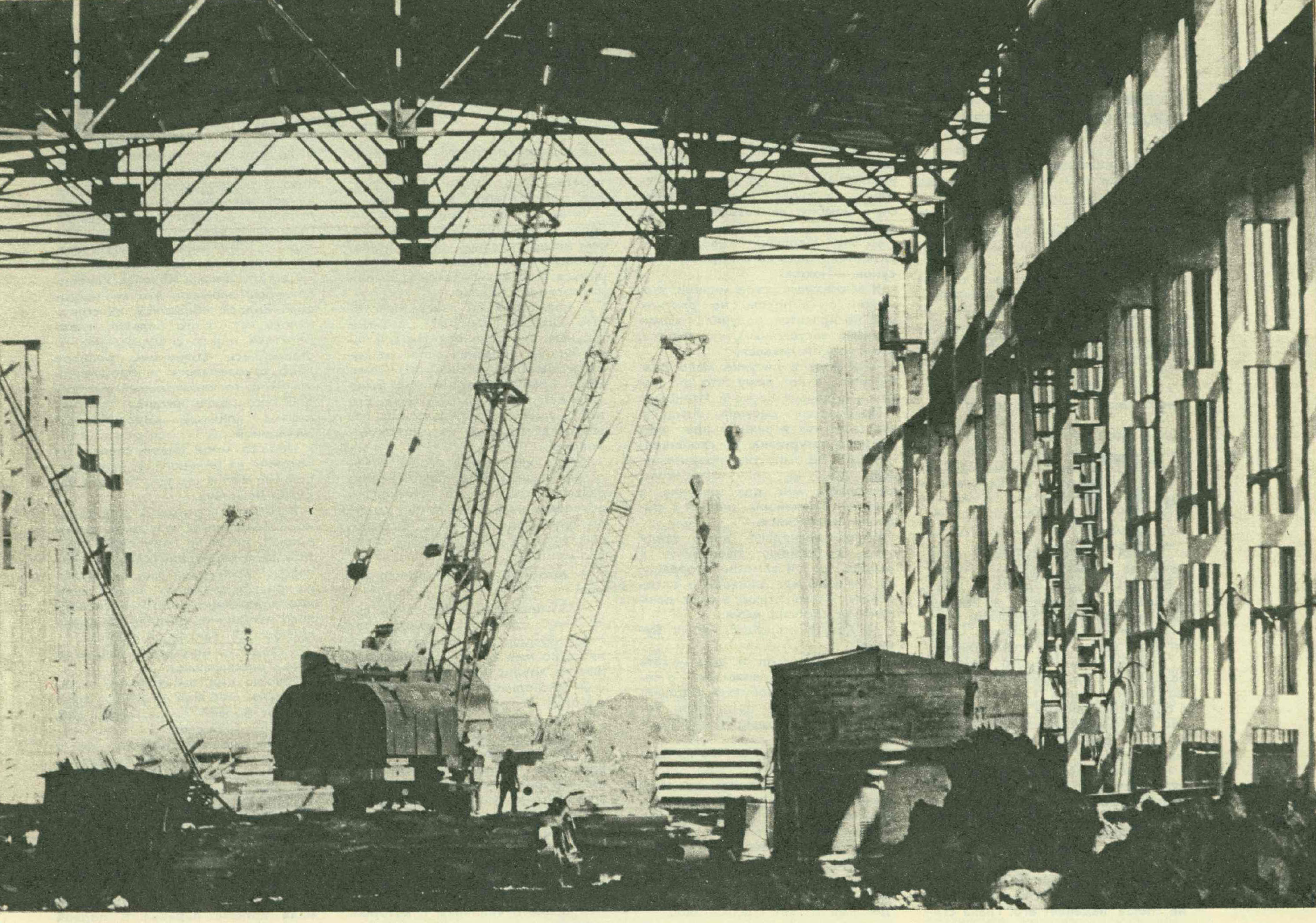
Первый репортаж из Сасова — «Огонек» № 14 за 1971 год — кончался такими словами: «На поле возле деревни Темгенево дул пронизывающий колючий ветер. Было зябко и неуютно, но москвичи, рязанцы и сасовцы упрямо шли вперед. Вперед, от первого колышка»... Это было 25 февраля 1971 года.

И вот снова наступил февраль, февраль 1975-го. С секретарем горкома партии Ольгой Сергеевной Новиковой мы стоим на том самом месте, где четыре года назад геодезисты забивали в землю первый колышек, а строители — среди них был и начальник СУ Петр Иванович Курашов — водружали щит, на котором было написано: «Здесь будет строиться завод «Станколиния». Завод? Вот он, перед нами. Взметнулся громадным корпусом. Длина четыреста, ширина двести метров. Корпус этот строило управление, возглавляемое Курашовым.

На левом фланге уже давно работают цеха. Почти в каждом из них что-нибудь да делала бригада Александра Чибрикова. О ней Петр Иванович самого высокого мнения.

— Она первые жилые корпуса ставила в новом микрорайоне. Котельную строила, отделывала бытовые вставки завода. Поработала и на комплексе ГПТУ. Видели, какое при заводе открылось прекрасное училище? Чибриков в числе тех, кто первым получил на нашей стройке высокие награды, он кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

О себе Курашов умолчал. Он тоже удостоен ордена Трудового

1973 год. Сооружается главный корпус.

1975-й... пятилетка на финише

См. 2-ю стр. обложки.

Красного Знамени. О Курашове рассказывала мне Ольга Сергеевна Новикова:

— Петра Ивановича я знаю давно, с комсомольских лет. Работала тогда в райкоме комсомола, а он учился в строительном техникуме и был там секретарем комсомольской организации. Быстро пошел в гору: техник-строитель ремонтного завода, старший прораб стройучастка. Строил в Сасове жилые дома, кинотеатр «Родина», завод торгового оборудования, где его и оставили директором. В июле семидесятого получил новое назначение — начальник управления по строительству «Станколинии» — так сначала называли завод. Помню, как Курашов прибежал в райком партии,— Сасово было тогда еще райцентром, лишь недавно нас перевели в ранг городов областного подчинения,— и стал просить: «Освободите! Я же не справлюсь! Такая большая стройка. Поймите же, товарищи, это верный провал, уволят меня — и все!» А ведь зря волновался. Сумел же сплотить большой, способный решать сложные задачи коллектив. Для Курашова и его людей эта стройка — великолепная школа. А впереди, образно говоря, вуз: инженерный корпус с экспериментальным цехом, развитие жилого массива, вторая очередь завода.

— А где же деревня Темгенево?

— Вот она! — показывает Ольга Сергеевна на колхозные фермы, стоящие совсем рядом со вспаханным под озимые полем. А промбаза расположилась ближе к реке Цне. Понадобилось построить много вспомогательных сооружений. Всего сорок четыре объекта.

...Вспышки сварочных огней, гул моторов. Мы на другом конце заводского корпуса. Начальник инструментального цеха Павел Васильевич Трунин знакомит нас с лучшими своими рабочими-«старожилами» Александром Быченковым и Юрием Суриковым. Одному тридцать три, другому двадцать пять лет. Оба приехали из Рязани, работали там на станкозаводе. Квалифицированные специалисты. А старожилами называют их потому, что первыми вдохнули жизнь в стылый, заиндевевший корпус, первыми включили свои станки и начали вытачивать фланцы для котельной. Было это более года назад, в ноябре семьдесят третьего. Цех еще не обогревался, работали в ушанках и ватниках.

— Рита, жена моя, очень удивилась,— рассказывает Суриков,— когда я дома достал из кармана стружку, обыкновенную толстую стальную стружку. Этакую хрупкую спираль. Спрятал ее в коробку как дорогой сувенир. Ведь это первая стружка, снятая на сасовском заводе! Он будет гигантом — тридцать пять автоматических линий и девятьсот специальных высокоточных станков за год! Завод заводов! Переехали мы в новый дом,— квартиру только что получили в микрорайоне, и стружку — с собой. Как обустроимся, положу ее на почетное место, под стекло. Вы в нашем микрорайоне не были?

Мы побывали в микрорайоне, где живут строители и рабочие завода автоматических линий. Возле парка имени 40-летия комсомола, заложенного юными сасовцами, встали высокие дома, окруженные детскими площадками. Все новое, все только начинается. У витрин большого магазина — оживление.

— Наш первый сасовский «универсам»,— с гордостью комментирует Ольга Сергеевна.—Горожане его уже полюбили. В сентябре заложили мы первую школу, большую, на тысячу сто семьдесят учеников, строится она по новому, очень хорошему проекту. Второй такой школы во всей области не найдете. При закладке состоялся торжественный митинг. В фундамент замуровали капсулу с письмом к тем ребятам, которые будут учиться здесь в двадцать первом веке.

«Первая», «первый», «первое»... Много раз я слышала в Сасове это популярное здесь слово. Оно характеризует, если так можно выразиться, второе рождение небольшого городка на Рязанщине, которому предстоит стать крупным центром советского станкостроения.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. КАЧАЛОВА

Н. СОКОЛОВ,
народный художник СССР

ЖАЖДА ЖИЗНИ

— Пожалуйста! — произнес за дверью знакомый голос.

Войдя в комнату одного из подмосковных санаториев, я увидел Василия Ивановича Качалова, поднимавшегося мне навстречу. Одет он был, как и все «санаторные», в пижаму темно-серого цвета и больничного вида рубашку. На ногах были черные туфли-лодочки с большими бантами на носах. Все это не очень вязалось одно с другим, но придавало какую-то домашность.

На сильно похудевшем и осунувшемся лице появилась приветливая улыбка. Пенсне лежало на столе, и близорукие, большие голубые глаза смотрели на меня с некоторым удивлением. Но вот Василий Иванович берет своими длинными, тонкими пальцами со стола пенсне и красивым жестом, не спеша надевает его. Глаза становятся сразу меньше, и я замечаю, что они начинают уже спокойно рассматривать меня.

После первых слов взаимного приветствия и вопросов о здоровье Качалов начинает рассказывать, что ему приходится «гулять» лишь на балконе, сидя в шезлонге да вдобавок еще укутанному одеялами.

— А совсем недавно,— добавляет он,— меня даже возили в кресле на колесах.— Говоря это, он делает указательными пальцами круги в воздухе, изображая колеса.

Тут я вспоминаю, как однажды, неделю назад, проходя по коридору санатория, я увидел в окно сидящую укутанную фигуру. Голубые и, как мне показалось, беспомощные глаза смотрели из вороха стеганых одеял, подушек и шарфов.

Так это был Качалов! А я не узнал.

Но вот я смотрю в эти глаза и вижу, что они живые, они все видят и далеко не беспомощные.

По просьбе Василия Ивановича я принес показать ему свои рисунки, сделанные мной в санатории с наших общих знакомых. Внимательно рассматривая каждый рисунок, Василий Иванович несколькими словами тут же дает характеристику изображаемого.

— Ах, Любочка! — ласково произнес он, глядя на портрет Л. Орловой.— Она хорошая, я ее люблю. Мы с ней старые друзья!

Глядя на один из рисунков, где изображенный улыбается (позировавший так хотел быть нарисованным), Василий Иванович произносит с растяжкой:

— Да-а-а, такая улыбка у нас, актеров, называется «собачья улыбка».— И он тут же сам состроил на своем лице механическую улыбку, вызвавшую у меня смех.

— Это Маршак! — говорит он, улыбаясь, глядя на следующий рисунок.— Похож!

Я высказываю свое мнение, что, может, он и похож, но рисунок мне не нравится, получился вымученным, засушенным, чувствуется, что с трудом давался.

— Я ведь в рисунке мало разбираюсь, а вот вижу, что он похож,— отвечает Василий Иванович.

Просмотрев рисунки, Качалов, чувствуя, что я вижу в нем очередного натурщика, со свойственной ему скромностью предложил, если, конечно, меня интересует, позировать мне для рисунка в один из ближайших дней. Я с радостью согласился.

Через несколько дней, зайдя вновь к Василию Ивановичу, я увидел, что он заметно поправился. Он уже мог оживленно беседовать, читать стихи. В этот день Качалов спросил меня:

— Хотите послушать стихи Бунина?

Он сел за стол и стал читать стихотворение «Художник» — о Чехове в Ялте. С любовью к жизни, ко всему живому произносит Качалов слова, обращенные Чеховым к аисту:

«Что птица? Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

За «Художником» Василий Иванович читает другое стихотворение, «Дедушка». И я замечаю, что в нем возникает тема жажды жизни перед неизбежным концом. Дед жует грушу, он торопится ее съесть:

Дедушка ест грушу на лежанке,
Деснами кусает спелый плод.

Качалов чуть сощуривает глаза и становится похожим на деда, все забывшего и спешащего съесть плод.

Уж запасся гробовой холстиной,
Но к еде — какой-то лютый пыл.

Эти слова страшно слушать.

Чует: отовсюду обступила,
Смотрит на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спешит, спешит он —
дожевать.

Я смотрю на Качалова и вижу, как ему страстно хочется играть, играть много, играть самых разных людей и жить, жить, жить!

Читая, он как-то сразу молодел. Голос становился звучным и совсем не потерявшим умения по-качаловски изменяться и перевоплощаться в того человека, от имени которого идет слово.

Я посмотрел по книге; некоторые фразы, наиболее выразительные, он произносил по два раза. Иногда добавлял слово от себя, и оно было нелишним. Что-то вдруг пропускал вовсе. Это было творчество большого артиста. Его не смущало, что аудитория состояла всего лишь из одного человека.

Как-то вечером я зашел к Василию Ивановичу с папкой, собираясь рисовать его. Несколько обеспокоенный, как лучше сесть, он устроился на диване и, положив руки на спинку дивана, спросил меня:

— Может быть, так хорошо будет?

— Замечательно! Вот так и сидите! — согласился я, увидев, как непринужденно и красиво повернулся ко мне Василий Иванович.— Вам не трудно будет так сидеть?

— Нисколько! А разговаривать я могу?

— Конечно.

И наш сеанс начался.

— Вы не стесняйтесь, можете несколько и подкукрыниксить меня! — обращается он ко мне. Я говорю, что хочу не шарж, а портрет сделать.

— Как хотите, а то, пожалуйста, я не обижусь,— говорит он и, глядя на меня своими внимательными глазами, начинает рассказывать, верно, интересно представляя каждого человека, о котором говорит, невероятно живым.

Была ли это веселая история о девушке, остановившейся у витрины магазина и ужасно испугавшейся высокого роста артиста Ершова. Она увидела его позади себя в отражении стекла и приняла за человека на лошади, чуть не наехавшего на нее. Или это шел рассказ об извозчике и его пузатой лошаденке.

Все это было так ярко показано, что, казалось, я сам присутствовал при этих сценах. Невозможно было удержаться от смеха, слушая и видя блестящие рассказы Качалова. В такие моменты трудно, конечно, было рисовать. Да я и не пытался останавливать Василия Ивановича, ведь это было так интересно — не только слушать его, но и смотреть на изменявшееся лицо. Временами Качалов совсем, казалось, забывал, что он натурщик. Волосы сбивались, их становилось как будто больше, глаза блестели, они то сощуривались, то становились большими, розовое лицо то озарялось добродушной улыбкой, то нахмуренный высокий лоб еще резче начинал делиться надвое длинной выразительной морщиной.

Передо мной сидел совсем не похожий на больного, а, наоборот, полный жизни, юмора, бодрый Василий Иванович.

Я вижу, что рисовать мне трудно. Найденный поворот давно пропал, но я не могу себе отказать в удовольствии слушать Качалова. Хоть урывками, но я все же рисую, стараюсь ловить нужное положение моего беспокойного натурщика. Василий Иванович тревожится: так ли он сидит?..

Я стараюсь не стеснять его, и он снова рассказывает.

Говорю ему, как красива, выразительна глубокая морщина, идущая от бровей вверх, через лоб. Он предупреждает:

— Это не от старости, это в детстве я упал с сундука и сильно разбил лоб. Нянька приложила к ране паутину из угла — тогдашний пенициллин,— шутит Качалов.— От этого лоб разболелся, пришлось звать врача. Я плакал, не давался врачу, но все же тот наложил швы на рану. Вот откуда и морщина!

Узнав, что я читал в воспоминаниях артиста Юрьева о первой встрече молодого Качалова с молодым Шаляпиным, он оживляется и начинает вспоминать вновь эту встречу. И вот я вижу молодого студента Качалова, приехавшего в дешевой, дребезжащей карете без стекол к знаменитому артисту Мамонту Дальскому. На диване, развалясь, сидит с кислым лицом знаменитость и отказывается ехать на студенческий концерт. Он

Рисунок народного художника СССР Н. СОКОЛОВА.

только приехал откуда-то из шумной компании. У него отвратительное состояние. Мотая головой, он уверяет растерявшегося студента, что хоть и обещал приехать, но придется обойтись без него...

— Да ведь вы же обещали... Вас там все ждут! — волнуясь, пытается уговорить Дальского студент.

Неожиданно знаменитость оживляется и предлагает студенту вместо себя отвезти в концерт какого-то молодого певца Федьку. Расстроенный студент усиленно отказывается, но Мамонт уже кричит в соседнюю комнату. Выходит рыжеватый верзила, с длинными, крупными руками и ногами, похожий на легавого щенка.

— Федька! Надевай мой фрак, поедешь петь к студентам.

Верзила охотно соглашается и идет одеваться. А бедный студент из последних сил отказывается от него и упрашивает поехать Дальского. В результате студент принужден согласиться на неизвестного Федьку с условием, что в конце вечера выступит сам Дальский.

Отправляя своего Федора на концерт, Дальский напутствовал верзилу:

— Смотри, когда будешь кланяться публике, случайно не наступи себе на руки!

Студент и верзила сели в карету.

— А я думал, что в таких каретах только архиереев возят! — произнес молодой артист, с интересом разглядывая внутренность кареты.

Всю дорогу неизвестный Федор, волнуясь, то и дело пробовал голос:

— Миа... а. Ма-а-а...

Студент не только не разговаривал с соседом, но даже и не глядел на него. И только думал о том, кого он привезет на концерт, где ждут знаменитость — Дальского?!.

Студент приехал. Концерт начался. Но неизвестного Федора никто не решался выпускать на сцену, и он, волнуясь, то и дело за кулисами спрашивал:

— Ну, когда же?.. Страшно волнуюсь!..

Наконец приехал Дальский и, увидев взволнованного Федора, сразу спросил:

— Ну как, выступил?

— Да нет! — раздраженно ответил Федор.— Не пускают!

И когда после радостно принятого зрителями знаменитого Мамонта Дальского наконец выступил измученный ожиданием молодой певец, студенты приняли с восторгом и долго не отпускали неизвестного Федора, вскоре ставшего их любимцем,— знаменитого Федора Ивановича Шаляпина.

Так перед моими глазами прошел еще один эпизод из жизни двух великих артистов.

Вспомнив серовский рисунок Качалова, я спросил Василия Ивановича: долго ли рисовал его Валентин Александрович?

— Вы знаете, он тогда ведь сделал с меня несколько карандашных набросков. Они ему почему-то не нравились, и он рвал их, приговаривая:

— Нет, я тебя сделаю... Постой, сделаю все-таки как надо...

И снова рвал. Вы представляете, что я чувствовал, глядя на разорванные серовские рисунки?.. Но с Серовым спорить было невозможно. Из всех сделанных им рисунков осталось тогда два — один со сложенными кистями рук, в профиль, тот, что в Третьяковской галерее, а другой в фас, у меня дома, кстати, он мне больше нравится.

Я сказал Василию Ивановичу, что лично я очень люблю серовский рисунок с руками. Сходство в нем и характер артиста как бы угаданы на всю жизнь.

Когда кончался рассказ и Качалов поворачивал ко мне лицо, вот тогда я, как бы просыпаясь от гипноза, в свою очередь, старался что-нибудь рассказать ему, чтобы заставить его сидеть спокойней. Но беда была в том, что рассказывать «что попало» такому «натурщику» нельзя было. Ведь только слушая что-то интересующее его, он смог бы сидеть в той позе, какая именно и нужна была мне для рисунка. Я уж было собрался отчаяться, как неожиданно выяснилось, что Василий Иванович почти ничего не знал о последних годах жизни Шаляпина. Мне пришлось ухватиться за это, как утопающему за соломинку, и рассказать о тех отдельных эпизодах, так ярко иллюстрировавших трагедию одиночества артиста в конце жизни, о которых мне пришлось слышать. Это его заинтересовало. И он молча, с большим вниманием слушал рассказ о шкатулочке, которую всюду возил с собой Шаляпин и завещал похоронить ее вместе с собой. После смерти шкатулку раскрыли, в ней оказалась горсть волжской земли. Не шелохнувшись, сидел он во время рассказа о том, в какой унизительной обстановке проходил один из концертов артиста в Южной Америке, даже без аплодисментов. Как скучал он по Родине, по Казани, по русскому зрителю. И как ни трудно бывает одновременно и рисовать и говорить, я так старался, чтобы подольше не кончались мои рассказы, видя, что они, на мое счастье, увлекли Василия Ивановича, и он просидел достаточное время не скучающим натурщиком, а живым Качаловым.

С окончанием рисунка я почувствовал одновременное исчезновение и дара моей «речи».

Василий Иванович сейчас же посмотрел рисунок. Заметив, как отнесся к нему Качалов, я решил предложить ему рисунок на память.

— Нет, что вы! Я не для этого высказал свое мнение, ведь я не собираю своих портретов. Ну, а вам он, быть может, понадобится. Вот вы, если сможете, подарите мне с него фотографию.

Я подарил Василию Ивановичу фотографию с рисунка. Рисунок остался у меня, а на нем хранится как бы живая частица самого Василия Ивановича — сделанная им на рисунке твердым широким почерком его подпись: «В. Качалов».

Фото Н. АНАНЬЕВА

Сегодня, как и столетия назад, она властно завоевывает сердца людей. Меняя свой облик, впитывая дух своего времени, она остается ОПЕРОЙ и несет людям высокие идеи добра, чести, правды.

Что же питает ее неувядаемую жизненность? Какие проблемы сегодня ставит она перед своими создателями — композиторами, дирижерами, режиссерами, художниками, певцами?..

С этим вопросом редакция «Огонька» обратилась к главному режиссеру Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова народному артисту РСФСР, лауреату премии имени М. И. Глинки Роману Иринарховичу Тихомирову не случайно. Слава театра выверена не одной-двумя премьерами, будоражащими узкий круг профессионалов. Из года в год, не первое уже десятилетие, кировцы утверждают принципы реализма и партийности, действенной современности в оперном искусстве. Популярность театра среди самой широкой зрительской аудитории давно и прочно переросла в горячую приверженность к его творческому кредо.

Один из старейших театров страны, Кировский, сумел не только сохранить богатейшие традиции русской оперной сцены — его коллектив стал авангардом в создании и становлении новой оперы, советской. За этим стоят не просто годы, за этим — жизнь самого театра, оперы, ее бесконечное движение вперед.

Беседу с Р. И. ТИХОМИРОВЫМ корреспонденты «Огонька» О. САХАРОВА и К. ЧЕРЕВКОВ начали просьбой рассказать об истории советской оперы.

«ОГОНЕК». Роман Иринархович, может быть, начнем разговор о советской опере экскурсом в ее начало? Может быть, всмотревшись в те годы всеобщей ломки старого и рождения небывалого нового, мы поймем причину жизнестойкости оперы?

Р. И. ТИХОМИРОВ. По-моему, вопрос «быть или не быть» в искусстве стоит всегда, каждый день. Мы вернемся к началу обязательно, но сначала расскажу о недавнем. Пусть это будет предыстория к истории.

Несколько лет назад съемочная группа нашего первого фильма-оперы «Евгений Онегин», где я был режиссером-постановщиком, поехала в конце зимы с только что завершенной работой на Красноярскую ГЭС. Из Красноярска в Дивногорск мы выехали загодя, но ко времени начала встречи опоздали: началась шурга — дождь со снегом — страшная вещь. За два километра до поселка «газик» встал. Пока мы с коробками по первозданной грязи добрались до места, время наше давно вышло. Клуб — огромный сарай. И пустой. Значит, не дождались люди, разошлись, да и везли-то мы... оперу: наверное, не так уж много здесь меломанов, которые в такую непогодь придут на «Евгения Онегина». Но встретил нас молодой человек, комсорг стройки, и сказал, что все ушли на аварию: прорвало дамбу. Чем это грозит — объяснять не надо. А он еще извиняется перед нами и уверяет, что народ придет. И вот часов в одиннадцать вечера появились зрители — в резиновых сапожищах, грязные, злые и... радостные: дамбу восстановили. Мы пустили фильм. Сначала еще переговаривались, пересаживались, но постепенно такая тишина застыла... Людей будто заворожило! Закончился фильм. Время — к часу ночи, а никто не уходит. Началось обсуждение. Говорили много. И что интересно: начали с «Онегина», а рассказывали о самом важном для себя, о самом наболевшем. Мне особенно запомнился человек лет шестидесяти, рабочий. Комсорг тут же сказал нам, кто он: старейший строитель — у него орден боевого Красного Знамени с двузначным номером. Авторитет на стройке непререкаемый. Он говорит: «Сначала я воевал, потом осваивал Дальний Восток, Камчатку... Никогда не жил там, где есть оперный театр. Сегодня у меня началась вторая молодость: я узнал это искусство. Я обязательно поеду слушать оперу в большой город, в театр!..»

Такие слова, поверьте, дорогого стоят. Выше для нас да и для самой оперы награды нет. Вы спрашиваете: почему она «осталась»? Да потому, что она кусок человеческой жизни. Опера — высшая фаза искусства. Музыка — самый тонкий передатчик эмоционального настроя. Идея оперы, где слились музыка, драматургия, поэзия, живопись, проникновенна и проникаема в человеческую душу, как ни в каком другом виде искусства. Поэтому-то опера никогда не стояла «рядом» с жизнью: она всегда была неразрывна с насущными проблемами бытия, с социальными коллизиями, с окружающей ее современностью. Верди, Пуччини, Леонкавалло, Чайковский, Бородин, Мусоргский несли эмоции, мысли общества на оперную сцену своего времени, трансформировали их в музыкально-сценические образы. И вот наступил момент, когда все основы этого общества в корне изменились.

Октябрьская революция не заменила какую-то стершуюся часть общественной формации на другую, она именно перевернула основу вековых социальных отношений. И открыла миру лицо нового героя современности: революционного народа. А это ведь не механическое действие. Все это прошло через души людей, через их сознание. Как же могло случиться, чтобы в то время не осталась музыка, звучащая, видимая?

«ОГОНЕК». Но ведь сама-то опера, конкретные спектакли в те дни, о которых вы говорите, оставались еще прежними, созданными до нового зрителя? Да и, наверное, не очень-то он был подготовлен, этот зритель, к восприятию репертуара Императорского театра?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Что касается подготовленности, то я убежден: к хорошему, настоящему искусству в любом его жанре подготовлен каждый человек. И прежде и теперь... А тогдашние спектакли? Что же, ведь в лучших из них опять-таки боролись неизменные противники: добро и зло, мрак и свет. И в новом зрителе, восторженном, доверчивом и зорком, условные оперные перипетии рождали вполне конкретные социальные ассоциации.

Но, конечно, зритель начала двадцатых годов хотел не только домысливать оперных героев. Он хотел видеть на сцене борьбу умов, сердец, судеб, равную той, что была его собственной жизнью. Опера поначалу откликнулась... политативом: было переделано либретто оперы Мейербера «Гугеноты», и с той же музыкой пошла опера «Декабристы»...

«ОГОНЕК». А когда появились действительно новые, оригинальные оперные спектакли?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Не так уж долго пришлось их ждать. Начиная с 1925 года премьеры пошли одна за другой: «Орлиный бунт» Пащенко, «Черный яр» Дешевова были первыми... Но, откровенно говоря, это были спектакли, ценные главным образом как первые ступеньки к будущему фундаменту.

«ОГОНЕК». Роман Иринархович, а почему все эти первые шаги в новой опере делал театр имени Кирова?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Думаю, потому, что это театр Ленинграда, города революции. Прямо со спектаклей революционные солдаты и матросы уходили на фронт — в Кронштадт, к Пулковским высотам, под Гатчину... Питерский пролетариат давал художникам четкий социальный заказ. Надо было либо принимать его, либо уходить с дороги. Нашему театру посчастливилось на энтузиастов новой оперы. Заслуга дирижеров Дранишникова, Самосуда была не только в высочайшем профессионализме. Тогда были и другие мастера. Но эти верили в новую жизнь оперы и сумели свою веру вдохнуть в труппу, увлечь ее. Результаты сказались: к тридцатым годам театр психологически и профессионально был готов к работе над полноценными оперными партитурами.

Собственно, уже в те годы строился наш сегодняшний день. Опера сороковых — пятидесятых годов вывела на сцену художественный образ народа-революционера, воина, строителя. Надо помнить об этом с благодарностью. Помнить, что начинали мы не на пустом месте.

«ОГОНЕК». Да, путь нашей оперой пройден немалый. Были и победы и просчеты. Диалектика же искусства такова, что каждый шаг вперед заставляет решать новые проблемы.

Р. И. ТИХОМИРОВ. Нет, новые проблемы не возникают так уж часто, они скорее видоизменяются.

«ОГОНЕК». В таком случае, что вы считаете ведущим вопросом советской оперы?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Конечно, ее действенность, современность. Только не в узком, временном понимании этого слова. Дело ведь не в

Сцены из оперы композитора В. Мурадели «Октябрь». В роли В. И. Ленина — артист Николай Колошин.

На развороте вкладки:

Артистка Людмила Филатова — Аксинья в опере И. Дзержинского «Тихий Дон».

Солисты оперы заслуженный артист РСФСР Всеволод Пучков и Станислав Бабешко в партии Ивана Алексеевича и Мишука в опере «Тихий Дон».

Солист оперы заслуженный артист РСФСР Владимир Морозов — Григорий Мелехов.

ТЕАТР И

ГЕРОИКА

том, чтобы сюжет был привязан к сегодняшнему числу или на худой конец к последнему десятку лет. Нет. Современность художественного произведения — это понимание глубоких запросов общественной жизни, их развитие, разрешение.

«ОГОНЕК». Какие же видоизменения произошли в опере?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Мы уже вспоминали, с чего начиналась советская опера. Ее первичная плакатность, музыкальный примитивизм ушли. Сегодня мы, накопив огромный опыт, говорим о колоссально возросшем профессионализме композиторов. Создателям новых опер подвластно глубокое философское осмысление избранной темы.

«ОГОНЕК». Роман Иринархович! Ваш театр уже накопил золотой фонд советской оперной классики. Как давно идет «Судьба человека» Дзержинского?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Пятнадцать лет. А «Октябрь» Мурадели — одиннадцать, «Оптимистическая трагедия» Холминова — десять. И все спектакли — аншлаговые. Причина их долголетия — в художественной полноценности, это ведь очень просто.

«ОГОНЕК». Задержимся на этой простоте. Ведь процесс создания оперы — от замысла композитора до премьеры — чрезвычайно сложен, в нем принимают участие десятки людей, и от каждого из них в отдельности зависит будущее спектакля?

Р. И. ТИХОМИРОВ. По-моему, зависит не столько от «отдельности», сколько от общности. Все спектакли создавались коллективом единомышленников, это очень важно! Хотя в основе удач и неудач лежит, как первопричина, конечно, музыкальный материал. Опера — искусство особой условности. У нее свои жанровые рамки. В них — четкая фабула, динамичный сюжет, драматические коллизии, рельефные образы героев, большие человеческие чувства. И в основе всего масштабная социальная тема. Только она может влить живую кровь в произведение. И здесь композитору, прежде чем он начнет работать над музыкой, необходимо либретто: либо литературный первоисточник, либо оригинальный сюжет. Но ни один композитор не иллюстрирует своей музыкой избранное им литературное произведение, а творчески осмысливает его. Либреттист, разумеется, должен знать законы музыкальной драматургии, помогать композитору в построении партитуры: это труднейший жанр, а у нас выработалось какое-то пренебрежительное отношение к авторам либретто. Создателей полноценной литературной базы для композиторов очень мало: Ценин, Машистов, можно назвать еще два-три имени, и все.

«ОГОНЕК». А если композитор получил добротный литературный сценарий, что вы, режиссер, ждете от композитора?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Музыкальных образов!.. Именно они нужны слушателю! Нужны яркие, интересные музыкально-интонационные, музыкально-обобщающие, запоминающиеся образы. Это не значит, что, выходя из театра, зритель должен сразу же напевать запомнившуюся ему мелодию. Но он вправе вынести из оперы мелодический багаж! Ведь образ героя в опере утверждается прежде всего мелодическим началом. В «Судьбе человека» Дзержинского музыкальный образ Андрея Соколова с его чисто русской песенной мелодичностью наверняка остается в памяти.

«ОГОНЕК». Запомнился Комиссар из «Оптимистической трагедии», хоры в «Октябре» и «Тихом Доне»... Но музыкальный образ в опере зависит не только от мелодической выразительности темы, но и от того, как звучит она в оркестре.

Р. И. ТИХОМИРОВ. Оркестр в опере не сопровождение вокала, а выражение психологической борьбы, столкновений героев, пружина драматического действия. Это должно быть заложено в партитуре так же, как условия развития всех возможностей человеческого голоса. Недаром и Глинка и Чайковский специально занимались вокалом, познавая свойства голоса, его природу.

«ОГОНЕК». Не слишком ли большие требования предъявляете вы композитору?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Это не я, это жизнь требует. Но, кстати, в идеале ничто не возникает сразу. История оперы говорит о том, что сценическую жизнь произведение получает лишь после долгой совместной работы композитора со всей труппой. Коррективы, которые предлагают дирижер, режиссер, певцы, помогают сделать оперное произведение действительно театральным.

Нашему театру, я считаю, везет на дирижеров. Когда видишь, как работает наш ведущий дирижер, народный артист СССР К. Симеонов, как он раскрывает музыку перед оркестром и певцами, особенно ясно понимаешь ценность художественных традиций нашего театра, преемственности в служении ему.

«ОГОНЕК». Но вот новое произведение дошло и до ваших режиссерских рук, Роман Иринархович. За вашими плечами тринадцать лет руководства оперной труппой театра, не один десяток самостоятельных спектаклей — и в классике и в современном репертуаре. И все они у вас, такие разные по форме, по стилистике, отчетливо связаны между собой. Наверное, многообразие приемов как раз и вытекает из целостности художественных принципов в вашем творчестве. Что же главное для вас в работе над новой оперой? В чем вы видите назначение современного режиссера?

Р. И. ТИХОМИРОВ. В том, чтобы как можно полнее понять мысли композитора. Ведь он первый дирижер, художник и режиссер своего детища. Чем ближе мы подойдем к нему, его мысли, тем глубже и достовернее спектакль. Жанрово, стилистически он уже обусловлен композитором. И задача режиссера в том, чтобы раскрыть существо оперы, идя прежде всего от ее музыки. На мой взгляд, самая большая беда в нашем деле — заняться своим собственным режиссерским самовыявлением: ставить спектакль «на тему оперы», увлекаясь поиском ради поиска.

Я горжусь тем, что меня иногда обвиняют в традиционализме: для меня остается аксиомой то, что жанр оперы диктует ее форму. И это незыблемое убеждение дает широчайший простор для поисков!

«ОГОНЕК». Здесь, видимо, большое значение имеет взаимопонимание режиссера и художника?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Конечно! Скажу точнее: их взаимопонимание с музыкой, с замыслом композитора... Это обусловило, к примеру, успех замечательных работ народного художника РСФСР И. Севастьянова.

Мы ставили оперу Холминова «Оптимистическая трагедия» с народным художником СССР А. Арефьевым в Днепропетровске. Музыка, острая, интересная по гармоническому языку, построена на символах революционной патетики. Отсюда скупое, напряженное в своей условности декорационное решение спектакля. Сцена превращена в стальную палубу с грубыми заклепками. Но зритель не воспринимает ее как изыск, как абстракцию. Это правда для данной оперы, для данного музыкального образа.

«ОГОНЕК». Над «Тихим Доном» вы тоже работали с Арефьевым?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Да. Здесь тоже героика революции. Но Дзержинский сумел воплотить в своей музыке и романтику шолоховской эпопеи и ее накал, вздыбленность. Нас захватил мелодический разлив оперы, масштабность характеров. Мы не хотели спуститься к бытовизму, долго искали облик спектакля. Основой художественного образа стал Дон. Вначале он ласково блестит на солнце: казаки вернулись с фронта домой... Но жизнь, поступь революции сталкивают людей в жестокой схватке, и Дон забурлил, потемнел, стал кровавым... Потом реку сковало льдом, как и души людей, истерзанных суровой борьбой. В финале, когда Григорий возвращается домой, он бросает свое оружие в Дон, бурлящий ледоходом, в его весеннее половодье. Живопись Арефьева талантлива и точна, а решение найдено в музыке.

«ОГОНЕК». Как вы относитесь к нынешнему увлечению оперного театра бездекорационностью?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Это мода, которая противоречит духу оперы, тянет назад. Во многих оперных театрах художники-живописцы уступили место художникам-конструкторам. А ведь декорация — душа музыки. Художник вправе осмыслить музыку по-своему, но не заменять ее остроумной конструкцией.

«ОГОНЕК». А доля певца в создании современного оперного репертуара? Не умалилась она?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Голос и актерское дарование певца были и остаются главным звеном между создателями оперы и слушателем. Но участие в советском оперном спектакле зачастую требует от исполнителя иной вокальной стилистики, ставит иные актерские задачи. Должен сказать, что это необычайно расширяет творческий диапазон певца. Роли, которые исполняет заслуженный артист РСФСР В. Морозов, зачастую противоположны по характеру: Григорий Мелехов в «Тихом Доне» и Вожак в «Оптимистической трагедии», рабочий-большевик Андрей в «Октябре» и главарь одесских жуликов Филипп в «Интервенции». Помогает ему и богатейшая певческая одаренность и актерское мастерство. И еще, мне кажется, удивительное чувство современности, внутреннее ее постижение.

Прекрасно выступает народный артист СССР Б. Штоколов в роли Андрея Соколова в «Судьбе человека», об этом вы писали... Очень интересны женские образы, которые на нашей сцене создают великолепные певицы: народная артистка РСФСР И. Богачева, Л. Филатова. Сильный, волевой образ коммуниста Губанова создал заслуженный артист РСФСР В. Киняев в опере Клебанова «Василий Губанов», блеснула своим мастерством народная артистка СССР Г. Ковалева в партии Леночки в опере Мурадели «Октябрь».

Знаете, трудно останавливаться на отдельных исполнителях, когда речь идет о советском репертуаре, потому что здесь, как нигде, важен весь певческий и актерский ансамбль, где главный герой — народ. Собственно, хор как однородная масса в современной опере уже не существует. Сегодня от каждого артиста хора требуется умение создавать подлинный вокально-сценический образ. Одесситы и солдаты Антанты в «Интервенции», революционные матросы и анархисты в «Оптимистической трагедии», казаки и белогвардейцы в «Тихом Доне», рабочие, воины и жители Петрограда в «Октябре»... Сколько труда вложил в эти работы хормейстер народный артист РСФСР А. Мурин, и какую ответственность несет каждый артист хора!

«ОГОНЕК». Мы вспомнили всех, кто причастен к созданию советской оперы. Но возьмем театр как единый организм. Что можно сказать о его взаимоотношениях с современной оперой?

Р. И. ТИХОМИРОВ. О театре должно говорить как о живом, мыслящем борце за искусство. Мы понимаем, что вся история сцены, где пел Шаляпин и танцевала Анна Павлова,— это не только слава театра, но и особая его ответственность. Мы должны двигаться вперед! Зритель все время сравнивает, ищет истину. И мы и наши зрители живем не только прошлым и настоящим, но и будущим. Классика жила и живет на нашей сцене. «Иван Сусанин» любим сегодня не меньше, чем сто пятьдесят лет назад. Но рядом с классикой должны получать жизнь новые произведения. Не к юбилейной дате, не ради премьеры, а ради будущей долгой сценической жизни. Ради театра и зрителя.

«ОГОНЕК». Ваша ближайшая премьера?

Р. И. ТИХОМИРОВ. Летом зритель увидит новую оперу ленинградского композитора А. Петрова «Петр I». Ставят ее Н. Касаткина и В. Василев. Мне думается, это будет интересный спектакль и по музыкальному материалу и по форме.

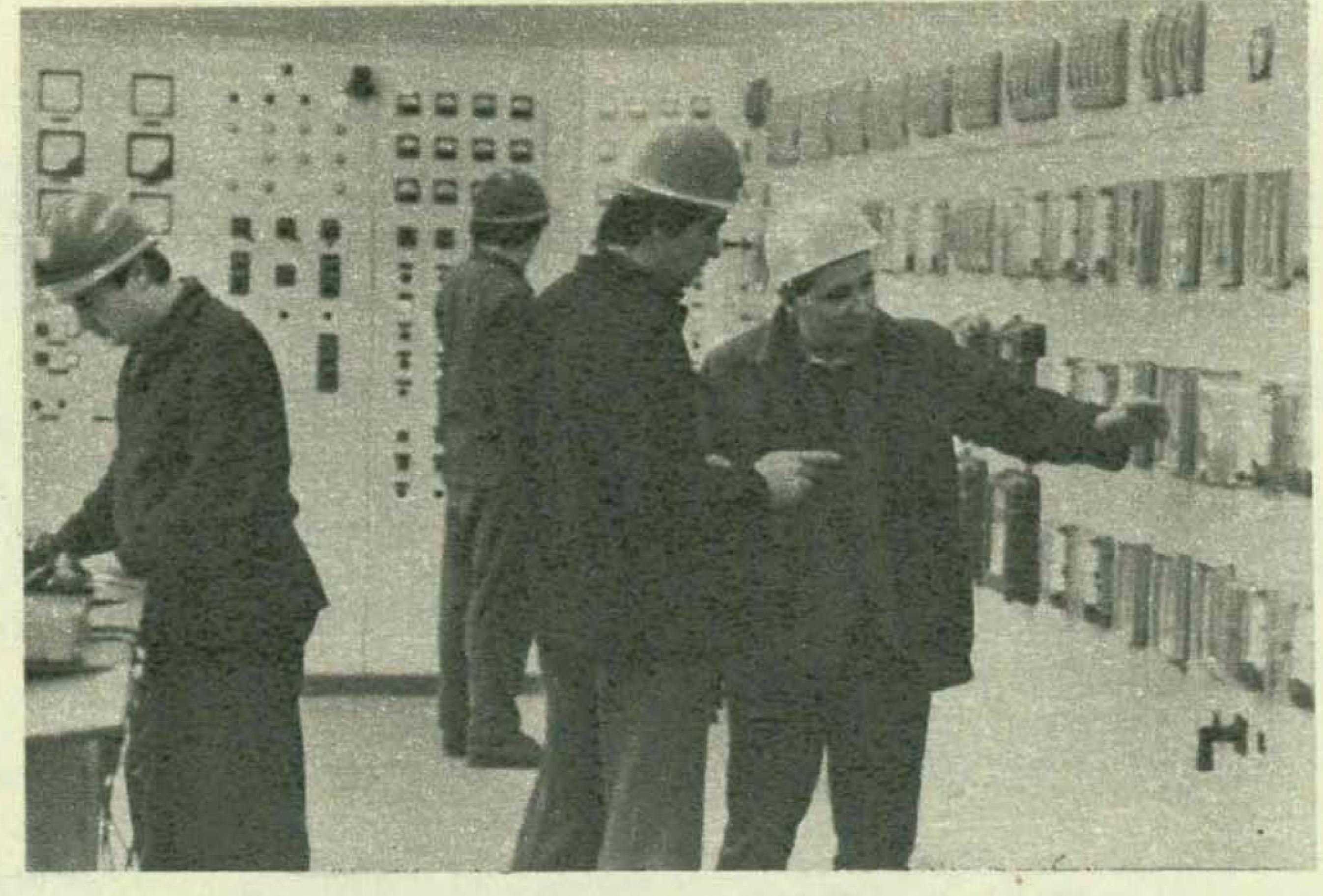
«ОГОНЕК». Успехов вам!

Солистка оперы народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР Ирина Богачева (Комиссар) и Владимир Морозов (Вожак) в опере А. Холминова «Оптимистическая трагедия».

Сцена из «Интервенции» В. Успенского.

ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ!

А. ЩЕРБАКОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Начальник установки первичной переработки нефти Борис Василевский (справа) уже окончил институт, а практикант Николай Запаро — студент 4-го курса Новополоцкого политехнического.

Случаются и в документах неточности. Юридически все верно, а фактически нет. Вот и тут: по документам Новополоцкий политехнический институт родился в семьдесят четвертом году, а на самом деле, пожалуй, институт рос вместе с городом.

К осени пятьдесят восьмого Новополоцк не успел еще построить ни одной школы. А молодые строители рвались учиться, видели себя в мечтах образованными специалистами, ведущими свой город в будущее. И Катя Николина бегала с подругами в вечернюю школу в Боровуху. Семь километров шатким понтонным мостом через неприветливую осеннюю Двину, темной, хлюпающей лесной дорогой... Бегали и верили: настанет время, и среди огней Новополоцка будут светиться огни своего института.

«Даешь институт!» Слова эти написал кто-то на одном из блоков, которые легли в фундамент первого корпуса филиала Минского технологического института. Это был не просто лозунг. Строить институт помогал нефтеперерабатывающий завод. Понадобились общежития — одно предоставил химкомбинат, другое — ТЭЦ. Городские предприятия оснастили приборами и обставили мебелью комплексную лабораторию по исследованию нефтепродуктов, для других лабораторий нашлись электронный микроскоп и спектральное оборудование. Позже поступившие в институт рабочие новополоцких предприятий вместе с преподавателями разрабатывали схемы и делали модели аппаратов, установок, чтобы потом изучать на них процессы переработки нефти и газа.

Само собой разумеется, что завод, химкомбинат, стройтрест № 16, управление «Нефтезаводхиммонтаж» охотно предоставляли студентам места для практики, а их специалисты помогали организовать ее и проводить. Они же, ведущие специалисты, выступали и выступают, когда нужно, в роли педагогов, руководителей дипломных работ.

Быстро налаживалась и «обратная связь»: предприятия обращались с просьбами принять участие в разработке важных современных проблем. И институт охотно отзывался. Наука и производство! Вместе занимались проблемой повышения стойкости деталей химического оборудования, совершенствовали вентиляционные системы, составляли планы социального развития предприятий.

Во всех своих делах филиал института встречал поддержку общественных организаций города и в первую очередь горкома партии. Так постепенно зрели условия для того, чтобы шагнуть на следующую ступень — к самостоятельному учебному заведению. И вот в семьдесят четвертом открылся Новополоцкий политехнический. Ректор Эрнст Михайлович Бабенко рассказывает:

— У нас теперь несколько факультетов, готовим специалистов для химической, нефтехимической промышленности, строителей, механиков, геодезистов, машиностроителей. На дневном отделении полторы тысячи студентов, на вечернем — шестьсот, на подготовительном — сто двадцать пять. Сейчас из ста пятидесяти преподавателей около шестидесяти имеют ученые степени и звания. Город помогает нам обеспечить их жильем. Строимся: к трем учебным и спортивному корпусу скоро прибавится еще один...

Словом, тридцатый в Белоруссии и первый в молодых ее городах вуз начал свою жизнь.

В семьдесят четвертом году состоялся первый выпуск «вечерников». Государственную комиссию возглавлял директор нефтеперерабатывающего завода лауреат Государственной премии СССР Петр Иванович Коротков. А дипломы защищали в основном рабочие. Среди них был Антон Уласевич, вожак одной из первых бригад, строивших завод. Он успешно защитил диплом и возглавил цех завода. Поздравлений было много. Поздравила Уласевича и Екатерина Ивановна Козакова, директор Дворца культуры нефтяников, заочница вуза, та самая Катя Николина, которая мечтала в пятьдесят восьмом вместе с Антоном увидеть над Двиной призывные огни Новополоцкого института.

А что касается точной даты рождения института, то тут, как говорится, исправленному верить: в Новополоцке считают, что начал он свою жизнь, правда, в мечтах молодежи, не в 1974-м, а давным-давно, когда в городе появились первые строители. И в этом характерная примета нашего бытия.

Новополоцк, Белорусская ССР.

Вечерний Новополоцк.

На строительную практику.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

...Смотрит старая женщина, «такая, как и тысячи матерей, которые жили и живут на нашей земле», в звездную беспредельность, вслушивается «в гул ракеты, нарушившей тишину космоса...». И явственно слышит голос сына по радио:

— Я думаю о тебе и о своем отце... Ведь и он и ты, мама, прокладывали эту дорогу к звездам, к свету...

Все творчество видного украинского советского драматурга Миколы Зарудного посвящено современности, нашей, социалистической действительности. Но даже обратившись в драматической поэме «Синие росы» к годам и событиям гражданской войны, писатель в прологе и эпилоге связывает их с нашими днями. Отец космонавта Дороша погиб от белобандитской пули. Мать прошла до наших дней сквозь фронты и метели. И сын понимает, что это отцы и матери всей жизнью своей подготовили сегодняшние подвиги, свершения, счастье...

Но и отец Дороша, революционер Северин, так же ясно сознавал высокий поэтический смысл своей жизни; он говорил своему товарищу по ревкому:

— Не променял бы я, Мирон, нашей жизни ни на какой рай... То, что я чувствую, богам и не снилось... Разве знают боги, что такое атака, когда только ветер в ушах свистит и враг падает к твоим ногам. Или когда землю раздаешь людям, а она лежит, широкая и вечная, в утренних синих росах — чистых, как сама наша правда...

И столь же поэтически, одухотворенно воспринимают писатель и его герои наши дни. Пожалуй, самая крепкая любовь Зарудного — это нынешнее село; редко изменяет он этой своей любви.

Жизни села посвящено большинство драм и комедий, где самую жизнь эту писатель берет на крутом изломе, когда новое в смертельной схватке сталкивается со старым, когда мертвый пытается схватить за горло живого, удержаться любой ценой... И сталкиваются в пьесах Зарудного характеры крупные, движимые сильными страстями, люди полярных убеждений, люди, само существование которых чревато острыми, напряженными конфликтами.

Среди многих пьес, принадлежащих перу Миколы Зарудного, вспомним хотя бы такие, как «Веселка», «Антей», «Остров твоей мечты», «Тают белые снега», «Дороги, которые мы выбираем»... В основе каждой из них лежит глубокий мировоззренческий конфликт.

Новая, коммунистическая мораль, идея служения обществу, благу людей сталкиваются здесь с идеей собственничества, личного обогащения, с равнодушием к тому, что происходит в стране и на планете, в родном селе и на своей ферме. С равнодушием, искажающим и убивающим в человеке самую его изначальную суть.

Не выбрали героя «Веселки», одного из организаторов колхозного движения, Антона Кряжа, вновь председателем; обиделся

он на односельчан и переехал из села на мельницу, к зятю, Косяку. Тот отгородился высокой каменной стеной от жизни. Но она все равно врывается к нему на двор, в дом, будоражит, зовет Кряжа. И когда наконец поймет он, что поступил опрометчиво, неверно, скажет Косяку: «Прочь с дороги, контра!»

Но «контра» ли он, Косяк, человек, хотя и нудный, жадный, однако тихий и смирный? Да в том-то и дело, что именно контра... Весь он оттуда, из мира собственничества, самой сущностью своей глубоко враждебен миру нашему, социалистической нови. Такие, как Косяк, в годы войны с фашизмом шли в полицаи, предавали людей, движимые одним: жаждой личного обогащения, надеждой стать хозяином, получить рабов...

Что же делает пьесы Зарудного заметным явлением не только украинской, но и всей советской драматургии? То, что их идейное, нравственное содержание не исчерпывается лишь фабульной стороной, а выходит далеко за ее пределы, к глубоким и значительным мировоззренческим, философским обобщениям.

В «Антеях» разговаривают между собою два, по сути дела, отщепенца: агроном Сторчак и колхозный бухгалтер Качан... Потому назвал я их отщепенцами, что до колхозного достояния до блага колхозников им никакого дела нет! Им лишь бы в собственном дому харч да горилка, да служебное кресло повыгоднее, да чтобы без особого беспокойства... Истинные хозяева колхоза — его председатель Назар Горновой и секретарь партийной организации Яков Далекий — этим отщепенцам глубоко ненавистны, они им словно кость в горле. Вот и говорит Качан Сторчаку: «Налили нам эти Горновые да Яшки горячего сала за шкирку. Если бы не они, мы бы с тобой, агроном, в собственных машинах разъезжали и в Сочах мандарины ели».

Давно истлели в земле кости однорукого белобандита Клима Островового, распявшего на кресте Северина Дороша. Островой, который «быдлом был, батраком», «опухал с голоду», потом возымел надежду: «Мне дадут шестнадцать десятин земли и хутор... Стану на этой земле, врасту ногами и... никого не подпущу!..» Но разве далеко ушли от него Косяк и Качан? Как и Островой, они всем существом своим против нас, против нашей жизни, по ту сторону классовых баррикад.

Но не только мир собственничества в пьесах М. Зарудного враждебен нашей жизни, а также и порождаемое им равнодушие к благу общества. Равнодушие, которое может проявляться в самых различных, но всегда уродливых формах. Секретарь райкома партии Скарбун в «Антеях» озабочен лишь цифрой. «За хорошей цифрой,— говорит тот же Качан,— жить спокойно. А цифра, она чернилами пишется. Вот Скарбун и выводит их. Скрип-скрип пером — и полилось молоко, еще раз скрипнет — и пятнадцать тысяч поросят на свет божий явились. Когда еще там докопаются, а ты сидишь себе в президиумах и газетки почитываешь».

В «Острове твоей мечты» выпускник сельскохозяйственного института — агроном Святослав Морозенко бежит с целины, предавая товарищей и любимую женщину, которая ждет от него ребенка... В пьесе «Тают белые снега» браконьер Гогол из ружья — с трех шагов — убивает олененка, а лесничий Супрун равнодушно на это взирает...

ДОРОГА К ЗВЕЗДАМ

На первый взгляд иной конфликт в драме «Дороги, которые мы выбираем». У знатного механизатора Ремеза от «гастролей» по другим республикам и сиденья в президиумах голова закружилась. Стал он «поперек движения»... Но, по сути своей, овладели Ремезом все те же равнодушие и эгоцентризм, толкнув его в конце концов на преступление...

При знакомстве с пьесами Зарудного возникает один вопрос: не слишком ли призрачной выглядит порой в них временная победа старого, омертвевшего? Можем ли мы всерьез воспринять снятие Горнового с поста председателя колхоза и исключение его из партии («Антеи»)?.. Изгнание из колхоза тракториста Дмитрия Пугача председателем колхоза — самодуром и бездельником Замулой и его городским пособником — бюрократом и взяточником Буцем («Фортуна»)?.. Мнимый провал проекта новой автоматизированной линии изобретателя Андрея Дороша директором завода — завистником и приспособленцем Кортуном («Чужой дом»)?..

Но ведь это и хорошо, что сразу же кажется она, эта «победа», призрачной! Что не можем мы поверить в торжество зла на нашей земле, в нашем обществе. Другое дело, что благодаря таланту и мастерству писателя мы видим, насколько зло изворотливо, опасно, до каких размеров может оно разрастись, если вовремя не закрыть ему дорогу.

Две линии органически сплавлены в творчестве Миколы Зарудного воедино: сатирическая и романтическая. Для обрисовки людей, принадлежащих вчерашнему дню, писатель не щадит сатирических красок. Здесь бывают уместны и гротеск и гипербола — доведение человеческой подлости и глупости до абсурда... Создавая картины нынешнего и завтрашнего дня, образы творцов настоящего и будущего, драматург широко пользуется поэтическими обобщениями. Речь героев становится по-особому одухотворенной, возвышенной. Говорит, к примеру, в «Синих росах» о своей жене бедняк Опанас, сравнивая ее с Венерой: «Куда этой богине до Василины! Да она, бывало, как пройдет — вся ярмарка замирала. А как запоет! Ветер стихал. А в работе! Серп в ее руках, точно молния,— звезды жать могла... А как размалюет печь или рушник вышьет! Куда этой богине! Если бы кто мою Василину из камня вырезал, вот это было бы чудо!» С более достоверным, житейским, но не менее возвышенным поэтическим образом встречаемся мы в «Антеях». Яков Далекий рассказывает Горновому, что купил пианино для детского сада «пока на свои», не дожидаясь, пока бухгалтера уломает. «Малыши пробуют уже играть,— говорит он.— Вчера зашел, а дочка Ивана Звона на пианино одним пальчиком песенку выстукивает. Услышал я, Назар Сергеевич, и думаю: здорово получается у нас. Дед ее только вилы в руках держал, а она — играет. Вышел я на улицу — люди с работы шли, созвал всех к окну, чтоб слушали, как дочка Ивана Звона на пианино играет. Они слушают музыку и кажутся в эту минуту такими красивыми».

Сильная поэтическая, романтическая нота творчества Зарудного активно способствует выражению облика людей, которых принято называть положительными героями нашего времени. Это люди стойкого и самоотверженного характера, возвышенной мечты, дерзкой мысли, упорного труда. В один ряд, равняясь на Якова Далекого и Назара Горнового, выстраиваются: лесник Василинка («Тают белые снега»), Андрей Дорош («Чужой дом»), вчерашний сержант и сегодняшний целинник Федор («Остров твоей мечты»), студентка Ирина Мельник («Фортуна»), председатель колхоза Дмитро Шелест («Веселка»).

Пристрастие к современности, к жизни села не делает творчества Зарудного однообразным. Ему подвластны самые разные жанры: драма, комедия, трагикомедия... Его писательское воображение, кажется, не знает границ. И вместе с тем каждое произведение Зарудного отмечено его художнической индивидуальностью, особенно дающей себя знать в области речевых характеристик героев.

Разумеется, как и в творчестве любого другого писателя, не всё в драматургии Зарудного равноценно, но творческое лицо художника всегда определяется не слабыми, а сильными сторонами.

...Впервые о Миколе Зарудном услышал я лет восемнадцать назад от Александра Евдокимовича Корнейчука. Он говорил о молодом писателе, как о надежде украинской советской драматургии, ее будущем. Время полностью подтвердило эту оценку. Творчество Зарудного носит ярко выраженный народный характер. Именно он, Микола Зарудный, развивает сегодня традиции, заложенные Корнейчуком. Искусство его пристрастно, партийно, богато и щедро красками. И принадлежит оно не только театру украинскому, но и всему советскому многонациональному театру...

Когда эта статья была уже написана, узнал я о премьере новой пьесы М. Зарудного «Такое долгое, долгое лето» в Киевском театре имени И. Франко.

Как всегда, писатель в дороге. В непрерывном творческом поиске. Постоянном, напряженном труде.

ЧЕМПИОН

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Чемпионат страны по футболу, как известно, закончился блестящей победой киевских динамовцев, а недавно лучшая команда страны стала фундаментом сборной, которая будет участвовать в первенстве Европы. Руководителями сборной СССР назначены тренеры киевлян В. Лобановский и О. Базилевич. О том, как прошел сезон для чемпионов и как они готовятся к будущим ответственным выступлениям, рассказывается в публикуемом очерке.

— У нас нынче не было передышки,— с грустью сказал мне наставник киевского «Динамо» Валерий Лобановский...

Да, нынешняя осень стала для динамовцев, по сути, «жарким летом». После тяжелейшего матча во Франкфурте-на-Майне, где киевляне вырвали победу у грозного «Эйнтрахта», половина команды была призвана под знамена сборной. 30 октября — драматический матч в Дублине со сборной Ирландии, который наши футболисты проиграли. Шестеро киевлян из-за нелетной погоды двое суток не могли добраться домой. Явились за шесть часов до матча с «Нистру», выиграли его (все 4 гола забили приехавшие Колотов, Веремеев и Блохин). Было это 2 ноября, а уже через три дня команда вышла на решающий поединок с тем же «Эйнтрахтом».

Тренер западногерманской команды Дитрих Вайзе после матча сказал журналистам:

— Козыри киевлян — техника, скорость, полная самоотдача, отличная физическая подготовка, умело подобранный состав сильных футболистов... Мы проиграли, но не расстраиваемся, потому что уступить такому сопернику не позорно.

В 1974 году футболисты киевского «Динамо» выполнили все задачи, стоящие перед ними. Они выиграли международный турнир в испанском городе Вальядолиде, завоевали Кубок СССР, победили армейский клуб Софии и западногерманский «Эйнтрахт», выйдя в четвертьфинал Европейского кубка обладателей кубков, завоевали золотые медали чемпионов СССР основным и дублирующим составами.

Но каждая медаль, как известно, имеет две стороны. И если одна отражает успехи прошлого, то другая — надежды будущего. В этом отношении нынешние чемпионы страны и обладатели Кубка чувствуют особую ответственность перед миллионами советских почитателей футбола. «Особую» — по той простой причине, что с ними в основном связаны надежды советских болельщиков на успехи наших футболистов в международных турнирах.

Как известно, западноевропейские клубы заканчивают свои внутренние чемпионаты весной и поэтому в марте — апреле имеют все возможности показать свою лучшую, наиболее зрелую игру. А у нас в это время футбольный сезон только начинается. Вот и приходится начинать тренировки с декабря.

— Теперь вам понятно, почему наше лето слилось с зимой? — спрашивает В. Лобановский.

Понять нетрудно. Люди, которые близко знакомы с тренерами киевских футболистов Валерием Лобановским и Олегом Базилевичем, утверждают, что они очень много и напряженно работают. Их часто можно видеть вдвоем, за письменным столом, на тренировках вместе с командой или с отдельными игроками.

Они пришли в «Динамо» не с пустыми руками. В составе этой команды в 1961 году оба получали золотые медали чемпионов СССР. Олега Базилевича называют в одном ряду с такими бомбардирами, как Макар Гончаренко, Константин Шегоцкий, Михаил Коман, Виктор Каневский... А болельщики до сих пор помнят стремительные проходы Валерия Лобановского и его неповторимый угловой, когда мяч описывал в воздухе дугу и шаровой молнией влетал под перекладину ворот.

В их активе не только личное мастерство, не только доскональное знание родного клуба, его традиций, взаимоотношений, но и солидный опыт тренерской работы.

Внешне они очень разные. Небольшого роста, с мягкими чертами лица, Олег Петрович Базилевич весьма общителен, покладист, избегает категоричных суждений. Он все время как бы присматривается к окружающему миру и не спешит делать окончательные выводы. Валерий Васильевич Лобановский — высокий, худой, предельно точный, даже резкий в суждениях, аккуратный во всем до чопорности. Он всегда сосредоточен, очень редко улыбается. Зато улыбка такая, что сразу вызывает к нему расположение.

Как пришли они к решению работать вместе, на равных (оба это особенно подчеркивают) правах?

Еще играя в киевском «Динамо», «Черноморце», «Шахтере», а затем работая тренерами, они, как говорит Лобановский, «обменивались информацией, оценками новых идей и результатами их воплощения». Очень скоро обнаружили единство взглядов по многим проблемам теории и практики современного футбола и в конце концов решили всю сумму взглядов на развитие современного футбола совместно проводить в жизнь.

Чем сложнее музыка, тем квалифицированнее должен быть оркестр. Поэтому оба не преминули воспользоваться предоставленной им возможностью работать в киевском «Динамо», хотя понимали, какая огромная ответственность ложится на их плечи.

— Если судить по итогам сезона, ваш эксперимент можно считать вполне удавшимся? — спросил я.

— Слово «эксперимент» тут не подходит,— мягко заметил мне Базилевич.— Перед нами стояли слишком ответственные задачи, и ставить какие-то эксперименты с нашей стороны было бы несерьезно. У нас творческое содружество, мы пришли работать, а не экспериментировать, создавать не только хорошо сыгранную команду, но прежде всего — коллектив единомышленников. Мы хотим, чтобы неповторимые индивидуальные качества каждого игрока раскрывались тем полнее, чем полезнее он будет работать на коллектив...

— А я не согласен и с другой частью вашего замечания,— сказал Лобановский.— Не следует нашу работу вдвоем с Олегом Петровичем оценивать по результатам одного сезона. Результат мог быть и иным, но это нисколько не отразилось бы на нашей уверенности в своих взглядах. Правда, один из нас числится начальником команды, но это всего лишь запись в штатном расписании, которое не мы составляли, нам же трудно отделить, где обязанности начальника команды, а где обязанности старшего тренера...

Многие их упрекали за рационализм в игре, за ничьи на выезде и победы с минимальным счетом, но почему-то забывали при этом, что в начале сезона команда блестяще выиграла у прошлогоднего чемпиона, а в середине сезона — у главных на то время соперников — ленинградских зенитовцев (да еще со счетом 5:01). И вообще если проанализировать ход чемпионата, то нетрудно убедиться, что все решающие игры киевские динамовцы провели остро, на высоком напряжении.

Но футбольный болельщик всегда найдет повод для недовольства, всегда готов дать несколько советов, которые, по его мнению, сделают его любимую команду уже совсем недосягаемой. Я в этом убедился, когда мне разрешили заглянуть в почту киевского «Динамо». Сколько писем! Сколько добрых пожеланий и категорических указаний!

«Я считаю, что команда, если она не хочет потерять уважение болельщиков, должна в каждом матче полностью выявлять все свои скрытые резервы!» — пишет один из таких доброжелателей. Все хотят только побед. Увы! А куда же девать неудачи? В спорте одних только побед не бывает. Больше того, некоторые поражения (например, в Кишиневе от «Нистру») полезнее команде, чем некоторые успехи. Кто станет упрекать велогонщика за то, что на стокилометровой трассе он не очень эффектно преодолел один подъем? Важно выиграть всю дистанцию. Так разве же можно требовать от футбольной команды побед на каждом промежуточном этапе, побед «любой ценой»? «Выкладываться до конца» классная команда может позволить себе в решающей встрече на первенство мира, в финале Кубка, в матче с главным соперником...

Киевские динамовцы провели очень напряженный сезон. Олег Блохин сыграл, например, в семидесяти матчах. Такую же нагрузку имели и многие другие игроки команды. Умение распределить силы в футбольном марафоне, особенно остро сыграть со своими основными соперниками — достоинство, а не недостаток, и киевские динамовцы убедительно доказали, что они лучшая команда страны. Однако, сколько бы вы ни прочли отчетов об их игре, в каждом найдутся критические замечания, и это естественно — нет предела в поисках совершенства.

В последнее время говорят, что многие игроки киевского «Динамо» теряют свою индивидуальность. Но разве спутаешь Олега Блохина с кем-нибудь другим? Он второй раз подряд признан лучшим футболистом страны, и все же работа с ним продолжается. В нынешнем сезоне тренеры стремились развивать в Блохине качества универсального футболиста.

Да, трудно пришлось Олегу. Несколько матчей подряд он уходил с поля, не забив «своего» гола. Но потом все встало на свои места. И универсализация (а в современном футболе без этого нельзя) нисколько не затмила индивидуальных качеств Олега Блохина. Больше того, развила их. Активно взаимодействуя с другими членами команды, выполняя большой объем работы в разных точках поля, он не утратил своих ярких качеств нападающего.

Мне вспоминаются два красавца гола, забитые Блохиным в конце второго тайма в матче с «Днепром». Особенно первый, когда Олег в акробатическом прыжке встретился с летящим мячом и в падении через себя буквально вонзил его в сетку ворот. Все знают, что прославленных бомбардиров особенно опекают защитники, но Олег Блохин третий год подряд

И ЕГО ЗАБОТЫ

Тренеры чемпионов страны — Валерий Лобановский и Олег Базилевич.

Футболисты киевского «Динамо» в час отдыха.

завоевывает приз газеты «Труд» как самый результативный нападающий. И если сперва на его счету было 14 мячей, забитых в играх на первенство страны, затем стало 18, то теперь Блохин имеет на своем счету 20. Это лучший результат у нападающего за всю историю киевского «Динамо».

Свой лучший сезон провел Владимир Веремеев. По итогам опроса спортивных журналистов он назван вторым футболистом страны. По словам тренеров, Веремеев доказывает, как «звезда» может приносить большую пользу в действиях коллектива. Очень хорошо провел сезон Владимир Онищенко, вернувшийся в родную команду и прочно занявший свое место в самом боевом составе. Среди 33 лучших игроков сезона, названных Федерацией футбола СССР, восемь киевлян. Среди них почти вся линия защиты: Владимир Трошкин, Михаил Фоменко, Виктор Матвиенко, который очень эффективно сыграл и в атаке. Нередко подключался в атаку и Владимир Трошкин. У него великолепный стартовый рывок. Один из старожилов команды, он нынешним летом заметно вырос, раскрыв новые стороны своего спортивного таланта. Замыкает линию обороны уравновешенный, расчетливый Степан Решко — выдвинутый вперед защитник, который первым начинает отражение атаки противника.

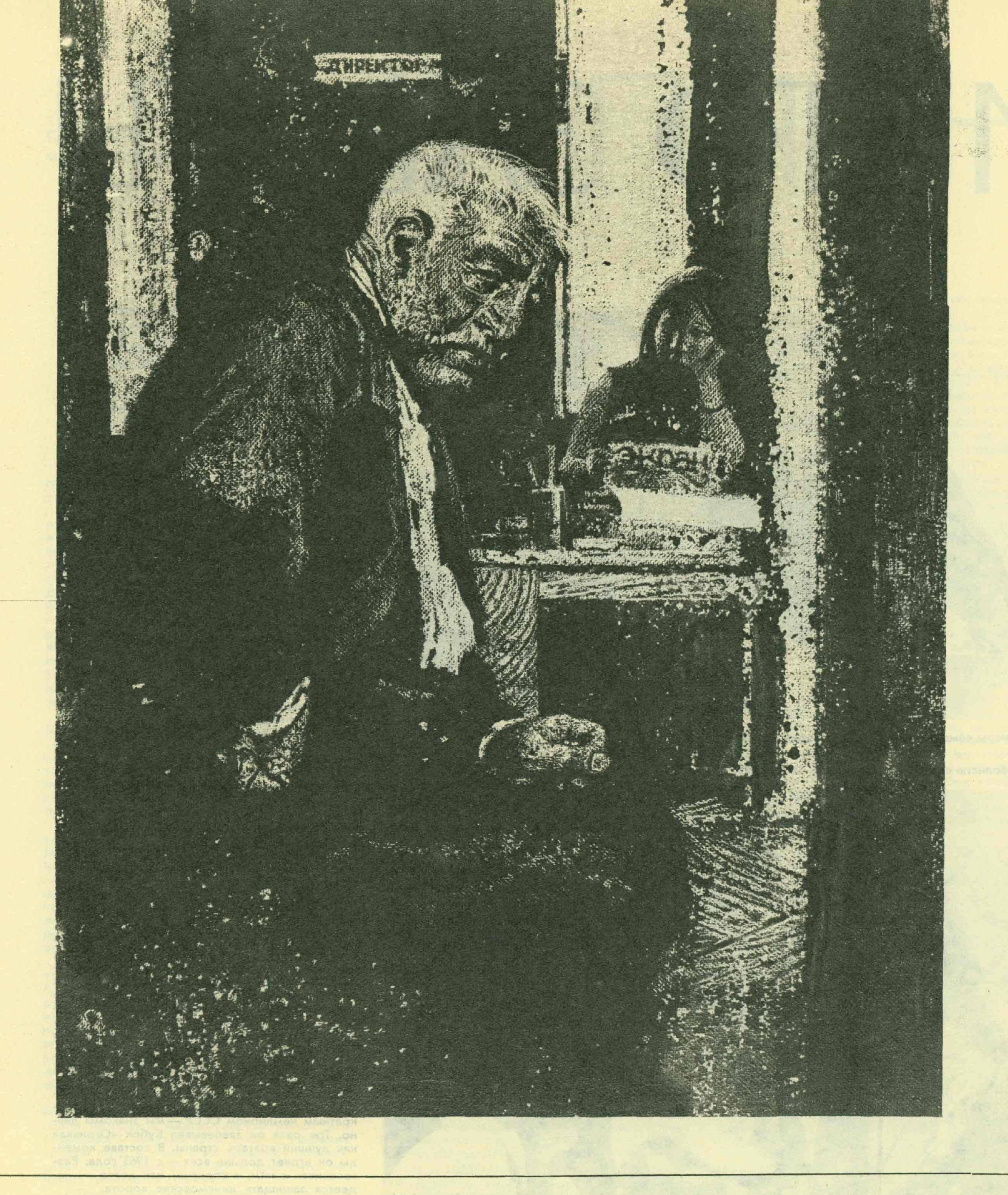
— Напрасно пишут, что чемпионат мира открыл глаза нашим тренерам на тотальный футбол, принцип которого: «Все — в атаке, все — в обороне», — говорит Лобановский. — Лучшие клубы мира давно следуют этому принципу, да и мы знаем о нем не первый год. Чемпионат мира только закрепил торжество этого принципа. Современный футбол требует от каждого игрока несравненно большей отдачи, чем это было десять или даже пять лет назад. Выход один: раскрывать в каждом игроке его индивидуальные качества, чтобы он наилучшим образом смог проявить их в коллективной игре.

Тот, кто в прошедшем сезоне видел игру Виктора Колотова — капитана команды,— тот мог убедиться, что широта маневра нисколько не обеднила игру этого замечательного мастера футбола. Его можно видеть у своих ворот, а через минуту он уже угрожает воротам соперника. Намного содержательнее стала игра Владимира Мунтяна. Разве нельзя назвать его удачей то, что в киевском матче с «Эйнтрахтом» он сумел полностью блокировать чемпиона мира, наиболее опасного нападающего Грабовски?

Хорошо сыграли и другие. Интересную игру показал Леонид Буряк. Однако тренеры считают, что его возможности еще не использованы до конца. С Евгением Рудаковым — пятикратным чемпионом СССР — мы знакомы давно. Три раза он завоевывал Кубок «Огонька» как лучший вратарь страны. В составе команды он играет дольше всех — с 1963 года. Разговаривая с ним, я спросил, как долго он надеется защищать динамовские ворота.

— Столько, сколько я буду нужен команде,— ответил Рудаков, а потом добавил: — Сейчас совсем не тот футбол, что был раньше. Тренировочные нагрузки намного возросли.

Задачи, которые стоят перед командой в новом сезоне, еще сложнее, чем в прошлом году. Ведь предстоит не только отстоять чемпионское звание, хорошо выступить в играх на Кубок обладателей кубков и на Кубок европейских чемпионов, но и внести наибольшую лепту в выступления сборной команды страны. Отныне киевские динамовцы стали фундаментом сборной. Это ко многому обязывает.

Гусейн АББАСЗАДЕ

РЕКОМ

РАССКАЗ

Рисунок Марины ПЕТРОВОЙ

А

ллахяр подтянул к балкону виноградную плеть, и вдруг тонкая ветка хрустнула и повисла беспомощно, как сломанное птичье крыло. Старик огорченно крякнул: вот же незадача! Прошлой весной он посадил у подъезда дома виноградную лозу, заботливо огородил ее, терпеливо ждал, когда она, вытягиваясь, достигнет балкона на втором этаже. Аллахяр мечтал о том, как виноград со временем оплетет столбики, поползет по протянутым веревкам, зеленым шатром укроет балкон и в жаркие летние дни можно будет с удовольствием попивать в тени чай.

И вот сам же взял неосторожно ветку и сломал ее. Теперь жди, пока вырастет и снова дотянется до балкона. Старый Аллахяр оторвал сломанную часть ветки, державшуюся на тоненькой кожуре, и бросил во двор. Отложил в сторону моток веревки, устало опустился на стул.

Ныло сердце. Вот что значит понервничать на работе. Аппетита никакого, даже подвязать виноградную ветку как следует не сумел, да еще и сердце побаливает.

Он принял лекарство и снова уселся на балконе, выходившем на просторный двор.

Нет, видно, не удастся отвлечься от того, что произошло сегодня на заводе...

Вот ведь какая штука: никогда прежде старый Аллахяр не ошибался в людях, глаз у него, как говорится, наметанный. Но теперь он вынужден с горечью признаться самому себе, что ошибся... ошибся в человеке, который был его, Аллахяра, любимым учеником, успехами которого он в свое время так гордился...

Со двора донесся шум голосов. Аллахяр невольно взглянул поверх балконной решетки на баскетбольную площадку. Там шла горячая схватка. Худощавый высокий паренек перехватил на лету мяч, помчался к кольцу, бросил... Мяч, ударившись о щит, отскочил, не попав в корзину. Мальчишки-болельщики, окружившие площадку, издали дружный вопль.

Глядя на паренька-баскетболиста, Аллахяр подумал: «Рухулла пришел к нам на завод вот такой же тощий и проворный... с быстрыми глазами...»

Это было лет пятнадцать или шестнадцать тому назад. Как-то утром начальник сборочного цеха подвел к нему, Аллахяру, долговязого юнца с пышной черной шевелюрой и сказал: «Мастер, вот тебе ученик, зовут его Нуруллаев Рухулла. Он окончил десятилетку и хочет работать. Сделай из него хорошего слесаря».

Рухулла понравился мастеру Аллахяру: был он смышлен и проворен, работал добросовестно. Прошло немного времени, и Аллахяр заявил, что ученику можно поручать самостоятельную работу. Все знали, что мастер слов на ветер не бросает. Рухулла получил рабочий разряд, вскоре повысил его, а еще через месяца два-три выдвинулся в число лучших слесарей-сборщиков. На цеховой доске почета появилось его фото.

Аллахяр, понятно, радовался быстрым успехам своего ученика. Когда Рухулла попросил дать ему рекомендацию в партию, мастер охотно согласился. Без колебаний написал он: «Уверен, что Нуруллаев Рухулла своей работой и поведением с честью оправдает высокое звание коммуниста».

Без отрыва от производства Рухулла окончил вечернее отделение политехнического института, защитил диплом, перешел на работу в конструкторское бюро завода. Он и тут показал себя толковым инженером. Года три спустя его взяли в аппарат Главмашстроя республики.

И еще прошли годы. Бывшего своего ученика Аллахяр встречал редко, но слышал, что он очень продвинулся в управлении, стал заведующим отделом. Сам-то Аллахяр вышел на пенсию: с сердцем что-то стало плохо. Никогда прежде не имел он дела с врачами, а теперь вот пришлось. Познакомился на старости лет с больничной койкой, санаторными процедурами, уколами всякими. А когда почувствовал себя лучше, не усидел дома, пошел на завод, попросился в свой сборочный цех на неполный рабочий день.

Многое в цехе переменилось за это время. Новый начальник цеха, новые бригадиры на сборке, много новых рабочих. Была еще одна новость, обрадовавшая старого мастера: директор завода пошел на повышение, и на его место назначен не кто иной, как Рухулла Нуруллаев. Вот как высоко взлетел бывший ученик слесаря! Ну, да так оно и положено способному человеку.

Участок Аллахяру дали нетрудный, и мастер справлялся с работой. Лучше всяких лекарств было для него возвращение на завод — это только тот поймет, кто сам испытал такое.

Однажды в конце месяца, зайдя по какому-то делу в цеховую конторку, Аллахяр взглянул на таблицу учета выпускаемой продукции. Взглянул и удивился.

— Что-то я не пойму,— сказал он, почесывая седую щетину на подбородке.— Разве наш цех не семьсот двадцать два мотора собрал в прошлом месяце?

— Семьсот двадцать два,— подтвердил начальник цеха, не поднимая взгляда от бумаг, которые просматривал.— А что?

— А то, что в таблице написано семьсот штук. Куда же подевались еще двадцать два мотора?

Начальник цеха подошел к таблице, надел и снял очки.

— Ошибка,— сказал он отрывисто.— Напутали учетчики. Исправим.

Спустя месяц Аллахяр снова обнаружил в таблице заниженные цифры.

— Опять у тебя ошибка, сынок,— сказал он начальнику.— Путает твоя канцелярия. Только вот что странно — ошибка все время в одну сторону направлена, на занижение...

— Вы бы занимались своим делом, уста,— сдержанно ответил начальник.— А тем, что вас не касается...

— Меня все касается,— отрезал Аллахяр.— Пойду-ка я потолкую с директором про эти ошибки в учете.

— Не нужно зря ходить. Ошибку мы сами исправим.

Но старый мастер был упрям.

Молоденькая секретарша сказала ему, что сегодня приема нет и вообще у директора совещание, и неизвестно, когда оно кончится. Аллахяр ответил, что подождет, и сел на стул. Ждать пришлось довольно долго, старика даже в сон стало клонить. Наконец распахнулись двери, из кабинета повалил народ. Мастер снова подошел к секретарше:

— Дочка, доложи директору, что к нему пришел мастер Аллахяр. Только это скажи, больше ничего. Он сразу велит меня пропустить.

Секретарша кивнула и скрылась в директорском кабинете. Вскоре она вернулась в приемную и сказала официальным тоном:

— Директор не сможет вас сегодня принять, товарищ. Приходите в приемный день. Вот здесь написано.— Она указала на табличку над дверью.

— Он так и сказал? — спросил Аллахяр растерянно.— Так и сказал, что не может принять?

— Да, я передала вам слово в слово.

Тут у Аллахяра возникло желание толкнуть дверь и войти к директору без всякого разрешения, да, войти и сказать: «Эй, Рухулла, есть у тебя совесть? Кому это ты посмел отказать в приеме?» Но он подавил в себе вспышку гнева и, вскинув седую голову, вышел из приемной.

Был час обеденного перерыва. У ворот инструментального цеха повстречался Аллахяру старый приятель Керим, тоже не один десяток лет проработавший на этом заводе.

— Куда спешишь, Аллахяр? — сказал Керим.— И чем озабочен? Давай посидим, покурим. Давно не видел тебя.

Они сели на скамейку под деревом, и Керим задымил, благодушно поглядывая на приятеля.

— Так что у тебя стряслось? — спросил он. А когда Аллахяр рассказал о своих огорчениях, Керим прикурил от окурка новую сигарету и сказал, вздохнув: — Эх, дорогой, своих забот у тебя, что ли, мало? Или ты думаешь, что директор не знает о заниженных цифрах? Как бы не так!

— Что ты хочешь сказать? — удивленно воззрился Аллахяр на приятеля.

— До седых волос дожил, а все простачком ходишь,— усмехнулся Керим.— Вот ты всю жизнь собираешь моторы для нефтяных скважин, а не знаешь, что часть моторов не попадает в отчетность — их продают на сторону...

— Этого быть не может,— твердо сказал Аллахяр.

— Раньше не было,— кивнул Керим.— Но вот уже несколько лет... А, да что говорить!

— Говори, раз начал. Ну, так куда идут моторы?

— Куда, куда... — недовольно проворчал Керим, он уже не рад был, что затеял этот разговор.— Многие люди теперь строят дачи, они не пожалеют денег, чтобы купить мотор для своего колодца. Понял?

— И ты говоришь, что Рухулла знает об этом? — медленно проговорил Аллахяр.

— Прекрасно знает твой Рухулла. Только делает вид, что не знает,— так ему удобней... Э, ты какой-то блаженный, Аллахяр,— сказал Керим, бросив очередной окурок в бочку с водой.— У нашего директора знаешь какая дача в Нардаране? Здоровенный двухэтажный дом из белого камня-кубика. Высокая каменная ограда. Во дворе виноградник, сад, бассейн с рыбами... Настоящее поместье...

— Откуда ты знаешь? Мало ли что треплют люди языками.

— Я говорю, потому что сам видел. Я у него на даче мотор в колодце устанавливал...

— Что же ты молчишь, если все знаешь? — гневно спросил Аллахяр, поднимаясь.

— А что мне, больше всех надо?..— Керим отвернулся в сторону.

Теперь, сидя на балконе, старый Аллахяр

ЕНДАЦИЯ

вспомнил этот разговор и вдруг понял, что не будет ему покоя, пока он не сделает решительного шага. Он нашел в телефонной книге домашний номер Рухуллы Нуруллаева и позвонил ему. Ответил детский голос. Это был сын Рухуллы, и Аллахяр спросил, дома ли отец.

— Папа отдыхает,— сказал мальчик,— через час проснется. А кто говорит?

Не ответив, мастер положил трубку и некоторое время стоял в раздумье. Потом, прочитав в телефонной книге адрес Рухуллы, поспешно оделся и вышел из дому.

Раньше Рухулла жил в старом доме, в переулочке возле «Бешмэртэбэ», «Пятиэтажки» — так называли в Баку одну из первых новостроек. Аллахяр бывал там когда-то раз или два в гостях у своего ученика. Но уже давно Рухулла переехал в добротный новый дом в центре.

Выйдя из троллейбуса, Аллахяр разыскал этот дом и медленно поднялся на третий этаж. Тут он остановился, прислонясь к перилам и переводя дыхание. Решимость вдруг покинула его. «Не надо было ехать сюда,— думал он, морщась от ноющей боли в груди.— Что я ему скажу? И разве станет он выслушивать мои нотации?.. Поеду-ка лучше домой... Нет! — оборвал он собственные мысли.— Если я не сяду лицом к лицу с Рухуллой и не выскажу все, что у меня на сердце, значит, грош мне цена...»

И он с силой нажал на кнопку звонка.

Дверь отворила молодая, несколько расплывшаяся женщина. Аллахяр вспомнил, что видел ее лет десять назад или больше, когда молодожены как-то позвали его в гости. Он не помнил имени женщины, но ее миловидное лицо было ему знакомо.

Она тоже узнала его. Удивленно всмотрелась, улыбнулась и сказала:

— Добро пожаловать, Аллахяр-ами. Вы совсем не изменились. Заходите, пожалуйста.

Старик ответил на приветствие и, все еще стоя у порога, спросил, дома ли Рухулла.

— Дома,— сказала женщина.

Аллахяр повесил в передней плащ и прошел в гостиную, куда его пригласила хозяйка. Рухулла, худощавый высокий мужчина лет тридцати шести, отбросив газету, поднялся с дивана и шагнул ему навстречу.

— Извини, товарищ директор, я помешал тебе отдыхать,— сказал Аллахяр, пожимая протянутую руку.

— Ничего, ничего.— Директор внимательно посмотрел на старика, как бы прикидывая мысленно, зачем пожаловал незваный гость.— Садитесь, уста Аллахяр.

Мастер опустился в кресло и обвел взглядом просторную светлую комнату. Никогда еще ему не приходилось видеть такую красивую мебель, такое обилие хрусталя в нарядном серванте. Дом был, как говорится, полная чаша.

Жена Рухуллы накинула на круглый стол хрустящую белую скатерть.

— Не затевайте ничего,— сказал ей Аллахяр.— Не надо.

— Я и не затеваю. Чаю только попьем,— улыбнулась она.

— Ничего не надо, спасибо. У меня короткий деловой разговор.

Рухулла двинул бровью, и жена тотчас вышла из комнаты.

— Я слушаю,— сказал он.

— Товарищ директор, не подумай, что я пришел о чем-то тебя просить,— начал старый мастер негромко.— Я хочу рассказать о том, что творится у нас в цехе. Для того и приходил сегодня к тебе в приемную, но ты был занят и не принял меня. А дело срочное.

Директор сидел в кресле напротив Аллахяра и не сводил с него прищуренного взгляда.

— Мне секретарша доложила о вашем приходе,— сказал он, закинув нога за ногу.— Вы не обижайтесь, уста, я бы вас, конечно, принял, несмотря на занятость, но дело в том, что я установил твердый порядок: прием только в определенные дни и часы. Это относится и к самым близким людям. Порядок есть порядок.

— Согласен,— кивнул Аллахяр.— Порядок — хорошая вещь, и надо его придерживаться. Но вот послушай, что делается в сборочном цехе...

И он рассказал о расхождениях, которые обнаружил между фактическим выпуском продукции и отчетностью. Рухулла выслушал его, не перебивая. Закурил сигарету, сказал, когда старик умолк:

— Думаю, что просто произошла какая-то ошибка. Во всяком случае, я разберусь. У вас все, уста?

— Разберись, разберись непременно...— Аллахяр вытащил носовой платок и вытер потный лоб.— Виновных в хищении под суд надо. А моторы, которые налево уплыли, все до одного надо отобрать у дачников.

— У каких дачников? — нахмурился Рухулла.

— У тех, которые их покупали для своих колодцев.

— Ничего об этом не знаю.

Наступило тяжелое молчание. Аллахяр вдруг почувствовал, как его переполняет ярость. Да что это, до каких пор он будет говорить недомолвками вместо того, чтобы выложить все как есть?..

— У тебя, Рухулла, говорят, тоже дача есть в Нардаране, не дача, а целое поместье... Бассейн с рыбками... И колодец с мотором, а?

Директор рывком поднялся с кресла.

— Вы забываетесь, уста Аллахяр.

Старик тоже встал. Глядя в упор на бывшего своего ученика, спросил:

— Какая у тебя зарплата, Рухулла?

— Могу ответить, если вас это так интересует,— сухо сказал директор.— Двести пятьдесят рублей. И закончим разговор. Впредь прошу не вмешиваться не в свое дело.

— Твои дела очень даже касаются меня.

— Вот как? — поднял бровь Рухулла.— А по какому праву? Кто дал вам право говорить со мной начальственным тоном?

«Спокойно, только спокойно,— сказал самому себе Аллахяр.— Не сорваться бы на крик, на ругань...»

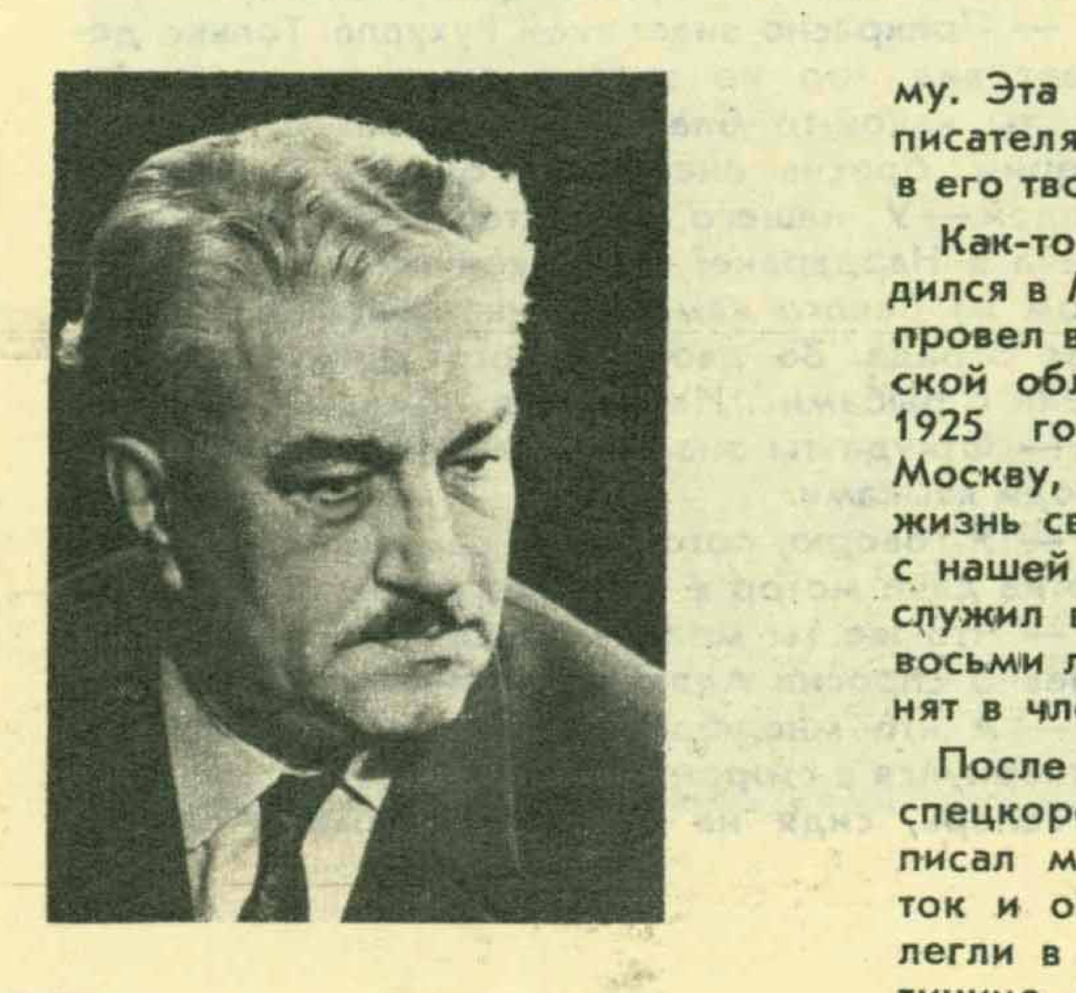
— Я, конечно, тебе не начальство,— сказал он сдержанно.— А жаль. Был бы я твоим начальником, я бы тебя просто привлек к ответственности за то, что покрываешь мошенников... за то, что живешь явно не по средствам... Но пятнадцать лет назад я дал тебе рекомендацию в партию. За эту рекомендацию я всю жизнь в ответе. И хотя с опозданием, я решил исправить свою ошибку. Я беру рекомендацию обратно, Рухулла, и сообщу об этом в райком партии.

Он повернулся и вышел.

Некоторое время Рухулла в растерянности стоял посреди комнаты. Обеспокоенно заглянула жена. Хлопнула входная дверь. Рухулла сорвался с места, выбежал в переднюю, на лестничную площадку. Неторопливые шаркающие шаги донеслись снизу. Позвать, окликнуть старика?.. Ну уж нет, не станет директор терять достоинство... Да и вряд ли вернется этот строптивый мастер...

А мастер Аллахяр вышел из подъезда и с удовольствием подставил разгоряченное лицо прохладному осеннему ветерку. Теперь ему стало легче. Гораздо легче! Он направился к троллейбусной остановке.

Перевел с азербайджанского
Е. ВОЙСКУНСКИЙ.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ЗУБАВИНА

НА ШИРОКОМ ПРОСТОРЕ

Давно знаю Бориса Михайловича Зубавина и неизменно поражаюсь его жизнелюбию и оптимизму. Эта основная черта характера писателя постоянно проступает и в его творчестве.

Как-то он рассказывал мне: «Родился в Москве, но раннее детство провел в селе Великом, в Ярославской области, на родине отца. В 1925 году с семьей вернулся в Москву, и с этих пор вся моя жизнь связана с рабочим классом, с нашей армией, в которой прослужил в общей сложности более восьми лет.... В 1942 году был принят в члены КПСС.

После войны много лет был спецкором, ездил по стране, написал много репортерских заметок и очерков, которые позднее легли в основу рассказов «В гостинице лесного города», «Гость из соседней республики», «На широком просторе» и других.

Пишу только то, что вижу, чувствую, ощущаю, люблю, за что хочу бороться, что хочу видеть лучше, красивее».

Всех военных героев Бориса Зубавина объединяет одна общая черта — простота и обычность, даже, можно сказать, обыденность. Бывшего командира пулеметно-артиллерийской роты Зубавина влекли к себе люди, которые, стоя в окопах, отражали атаки и готовились к наступлению. Писатель знал этих людей и рассказал о них с любовью и подлинно человеческой теплотой.

Популярность ему принесли рассказы и повести о рабочих нашей столицы, такие, как «Семейная хроника», «За Рогожской заставой», «Кольцо», «Радость». Зубавин нарисовал в них самобытных представителей рабочего класса, людей разных поколений — ударников первых пятилеток и энтузиастов бригад коммунистического труда.

Вступление в жизнь, первые самостоятельные шаги на трудовом поприще, формирование характера — эти животрепещущие проблемы разрабатывает Борис Зубавин и в последних своих произведениях (сборник «Происшествие на плотине»). При этом писатель не берет слово сам — он просто рисует окружающее, рисует широко, свободно, щедро; не морализует, а показывает жизнь в ее подлинном движении, и читатель уже сам делает для себя выводы. Вот эта естественность и живая сложность человеческого поведения — наиболее привлекательные черты произведений писателя, и, право же, встречаются они не столь уж часто.

Своеобразие писательской манеры Бориса Зубавина заключается и в том, что он не стремится к особой занимательности повествования. Сюжеты в его книгах обычно не отличаются внешней динамичностью. Он, как правило, раскрывает характеры своих героев в привычной для них обстановке, редко уходит в воспоминания о пережитом и стремится приковать наше внимание к внутреннему миру своих персонажей, захватить ходом и глубиной их мысли.

Всю свою творческую жизнь Борис Зубавин выступает в одном амплуа — жанре короткой повести и рассказа. Заключенное в природе этого жанра условие — в малом дать многое—требует особой прочности художественного построения, большой целесообразности каждого эпизода и детали, краткости, точности изложения. Вместе с тем лаконичные, без каких-либо эффектов и восклицаний рассказы и маленькие повести Зубавина оставляют впечатление наполненности, объемности.

Населяющие их люди, увлеченные своим делом, знающие и любящие свое место в жизни, очень нужны нам в литературе.

Они нужны сегодня. И будут нужны завтра.

Михаил ЛАПШИН

В. Пузырьков. КИЕВ 1942.

А. Артамонов. ПОСЛЕ БОЯ.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

Алексей ИОНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

XVII

Когда измученный Андрей Русаков лежал в забытьи на камнях глубоко под землей, его имя прозвучало в окопе, выдолбленном под густым кустом шиповника на взгорье у Миуса и превращенном в наблюдательный пункт.

В тот день член Военного совета армии, державшей оборону по левобережью Миуса, бригадный комиссар Леонид Иванович Стругов объезжал расположенные в селах и шахтерских поселках воинские части. Он беседовал с бойцами и командирами, проверял, хорошо ли они накормлены, обуты и одеты, обеспечены ли куревом и огневым припасом. Постигая своеобразие фронтовой политической работы, Стругов находил в ней немало такого, что роднило ее с его секретарскими обязанностями в мирное время. Не обнаруживал он также ничего необычного в характерах и поведении фронтовиков: ведь в Донбассе добывали уголь, плавили сталь, сооружали доменные печи, строили машины люди отнюдь не робкой натуры.

Полки, обороняющие Донецкий бассейн, в подавляющем большинстве состояли из коренных жителей этого края. Сам он, Стругов, был причастен и к формированию шахтерской дивизии, и, когда из Дворца культуры металлургов, что венчает в Торецке Смоляную гору, дивизия эта выступала на фронт, он в минуту торжественно-грустного прощания с нею напутствовал будущих воинов прочувствованным словом. В лихих повадках, сметке и выносливости солдат комиссару и теперь отрадно было узнавать черты своих земляков и убеждаться, насколько быстро свыклись люди с тяготами фронтового быта. Шахтерам не в диковину было, когда свои крепкие фибровые каски они сменили на стальные с пятиконечной звездой, а доменщикам, привыкшим к войлочным шляпам с широкими полями, забавно было форсисто заламывать над чубом легонькую салатную пилотку.

Стругов недавно был произведен в звание бригадного комиссара и назначен на должность члена Военного совета армии и еще не успел выработать в себе надлежащей воинской выправки. Из-за висевшего на поясе тяжелого пистолета на нем топорщилась гимнастерка, портупея стесняла движения и резала плечо. Неудобной казалась ему, носившему прежде мягкую кепку, и армейская фуражка с тонким и твердым, как жесть, козырьком. Он еще не приучился четко и властно отдавать приказания, не постиг всей, хотя и несложной, армейской субординации, и там, где порою нужно было действовать приказом, он по привычке адресовался к душе, к совести солдата или командира, пуская в ход неотразимые доводы и шутку. Но именно за эти-то качества, а больше за свою образную речь, сдобренную то шахтерской поговоркой, то лукавым полунамеком или выхваченным из житейского обихода словцом, понятным только жителям этого рабочего края, он пользовался в среде фронтовиков авторитетом и любовью.

Сам комиссар тянулся душой к стрелковой дивизии Константина Провалова, которая на девять десятых состояла из вчерашних шахтеров, из тех, кто от века не боялся ни бога, ни черта, для кого и в мирную пору жизнь была каждодневным подвигом труда и отваги. Тут, среди недавних забойщиков, крепильщиков, машинистов врубовок и электровозов, Стругова многие знали в лицо и при встрече, забывая козырнуть по уставу, приветствовали почтительно:

— Здравствуйте, Леонид Иваныч!

И комиссар, обрадовавшись нежданной встрече, улыбчиво щуря глаза, отвечал тоже не по уставу, душевно:

— Почтенье, почтенье, землячок!..

Вступлению Стругова в ряды шахтерского воинства предшествовал месяц скитаний в ближнем тылу, в соседстве со штабами и политическими отделами дивизий. Оставив Торецк одновременно с советскими войсками, отходившими под напором вражеских полчищ на новые рубежи обороны, он с небольшой группой работников областного комитета партии двигался на грузовике, нисколько не опережая арьергардов. Он надеялся, что дальше Харцызска или Зугрэса отступать не придется. Стругов понимал, что оставление Донбасса было бы для Советской страны тяжелой потерей, а для Германии — колоссальным стратегическим и политическим выигрышем. Он ждал, что не сегодня-завтра армия, страдающая и от военных поражений и от гнетущих укоров совести, прекратит наконец отступление и на каком-то выгодном для обороны рубеже станет нерушимо, ощетинится тысячами орудийных стволов и начнет насмерть крушить фашистов.

Но вскоре вражеские танки подошли к обрывистым берегам Донца и Миуса, каменистым отрогам Донецкого кряжа.

После месяца блужданий по неприютной осенней степи, по балкам и яругам, где им удавалось приткнуть под вязами свой крытый брезентом пыльный грузовик с запасом сухарей, консервов, сахара и папирос, Стругову стало невмочь прозябать без дела, вести, как думалось ему, праздный образ жизни. Хотя войска уже с месяц удерживали оборону по Миусу, Центральный Комитет приказал ему ехать в Луганск, уведомить о своем местонахождении политическое управление фронта и ожидать дальнейших указаний.

В Луганске Леонид Иванович пошел к своему приятелю — секретарю обкома, потолковал с ним о последних событиях в потрясенном войною мире, осведомился, можно ли оставить здесь на хранение часть партийного архива, который в Торецке пришлось наспех сложить в мешки и поместить в грузовик. Потом он, не зная, к кому попроситься на постой, сиротливо прошелся по южной, нагорной части города — по булыжным тротуарам Донецкой и Ростовской улиц, высматривая, не покажется ли у калитки хозяин. Но улицы, напоминавшие ему садами, голубятнями на шестах и присущей всем рабочим слободкам домовитостью окраины Торецка — Калиновку, Буденновку, Берестовку,— были пустынны. Нахохлившиеся домишки под красными черепичными крышами, с латаными заборами и старательно прикрытыми ставнями выглядели отчужденно и негостеприимно. И он возвратился к своим спутникам, ожидавшим его на перекрестке у сквера, удрученный безотрадными впечатлениями.

— А мы уж подыскали квартирку,— хвастливо сказал Васюта, бывший заведующий отделом угольной промышленности обкома, самоуверенный бахвал и бодрячок, сохранявший и в драматических обстоятельствах военной поры видимость оптимизма и крепкую хватку.— Вам, Леонид Иваныч, понравится. Домик — лучше и не надо, дворик шикарный и хозяйка приветливая.— Расхваливая свою находку, Васюта плутовато ухмылялся.

Квартира и в самом деле оказалась на редкость удобной для постоя. Едва грузовик, заскрипев тормозами, остановился у тесовых ворот с затейливым, вырезанным из жести петушком над ними, Васюта, громыхнув деревянным запором, распахнул кленовые створки и с апломбом хозяина стал распоряжаться, куда поставить машину, что из клади внести в дом. На веранду, оплетенную пожухлыми космами плюща, проворно вышла молодайка горделивой осанки. Стругов кивнул ей с легким полупоклоном, приметил ее лакированные туфли-лодочки. «А постояльцам ты, голубушка, видно, рада»,— подумал он между прочим, и эта мысль огорчила его.

— Здравствуйте. Кто у вас старший? — бодро спросила хозяйка голосом бархатистого тембра.

— Вот, товарищ Стругов, секретарь обкома, — с готовностью отозвался Васюта.

— А как инициалы?

— Леонид Иванович,— отчеканил Васюта.

— Очень приятно,— сказала хозяйка, обращаясь к одному Стругову.— А меня зовут Марианна.

Стругову хозяйка предложила небольшую, скромно обставленную комнатку с кроватью под шерстяным бордовым одеялом, домоткаными половичками на крашеном полу и окном, обращенным в сторону сада.

— Это комната моего мужа,— заметила Марианна.

В просторной гостиной расположились остальные постояльцы: Васюта, заведующий сектором обкома, тишайший, молчаливый, робевший, казалось, перед звуком собственного голоса Евтихий Нилович Голубков и упитанный, отпустивший брюшко шофер Кузьма. Он уже не один год был личным шофером секретаря обкома и от сознания своей необы-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

чайной ответственности усвоил строгое отношение к делу и слову и манеры степенного человека. Третья, смежная с гостиной комната была спальней хозяйки. Туда, опасливо раздвинув занавески, отважился заглянуть тайком один лишь Васюта.

К вечеру постояльцы несколько обвыкли на новом месте, осмотрели улицы пригорода. От поймы скудной Лугани дома с железными и этернитовыми крышами громоздились по косогору каменными уступами, и при взгляде на них с той улицы, где нашли пристанище Стругов и его спутники, город и особенно северная, издавна населенная рабочим людом окраина Каменный Брод казались одетыми в прочный панцирь из множества прямоугольных пластинок. В знобящем тумане, застлавшем приречные кварталы, смутно проступали очертания корпусов паровозостроительного завода.

В домах не светилось ни одно окно: боясь привлечь внимание вражеских летчиков, горожане коротали вечер за плотно закрытыми ставнями или непроницаемыми шторами. На уличных перекрестках мертвенно синели редкие фонари. Автомобили с притушенными фарами двигались по улицам медленно, как бы на ощупь.

Марианна, управившись по дому, поставила на шумливый примус эмалированный чайник, выложила на стол колоду карт и старалась развлечь гостей приятной беседой. Но Стругова не радовали ни тепло и уют чужого угла, ни любезность хозяйки, способной, быть может, вскружить кому-нибудь голову. Ее руки, бедра и грудь налиты здоровьем, ее движения и походка легки, однако Стругову в этой разбитной бабенке больше нравилась ее рабочая закваска. До войны Марианна была прессовщицей. На молодежной вечеринке ее и приметил Митенька, будущий муженек, «сокол поднебесный», как пояснила она с ласковой иронией. Проводив мужа на фронт, она надела его куртку, повязалась, как в девичестве, косынкой и пошла на родной завод. И в цехе и дома она, по ее словам, не чуралась никакой физической работы.

Леонид Иванович слушал Марианну, не принимая участия в разговоре, и изнывал от безделья.

— Ну, вы тут сражайтесь,— сказал он, смущенно кивнув на карты,— а я пойду потопчусь.

Надев пальто и кепку, Стругов снова отправился в обком. Из кабинета первого секретаря он с величайшим трудом связался по телефону с Москвой, с отделом кадров Центрального Комитета. Сообщив о своем местонахождении, горько посетовал на вынужденное безделье, назвал фамилии находившихся при нем работников Торецкого обкома и попросил как можно скорее сообщить, что им делать. Ему ответили кратко:

— Ждите наших указаний.

Услышав этот ответ, Стругов затосковал еще пуще. Праздность в такое время, когда обстоятельства требовали от каждого человека решительных действий, легла на его плечи тяжким грузом. Дважды в день — утром и вечером — он наведывался в обком, чтобы узнать о положении на фронтах. Сведения, ежедневно передаваемые по радио, как сводки Советского Информбюро, были осторожны и скупы, телефонная связь с Москвой без конца нарушалась, и в ответ на жаркие просьбы и упреки телефонистки роняли неизменно корректно: «Связи нет по техническим причинам».

Но многие уже знали, что в эти дни в снегах Подмосковья решается судьба и самой столицы. Слухи вскоре подтвердили официальное сообщение Информбюро о разгроме на Центральном фронте отборных немецких дивизий. Ободренный этим сообщением, Стругов попытался связаться по телефону со своим другом, в студенческие годы однокашником, недавним управляющим комбинатом «Торецкуголь» Александром Фомичом Пересадько. После падения Торецка он был отозван в Москву и назначен заместителем народного комиссара угольной промышленности. Леонид Иванович надеялся узнать у него, благополучно ли проследовал в Караганду эшелон с семьями ответственных работников Торецка, и хорошо ли они устроились на новом месте. Но застать этого непоседу, человека неукротимой энергии, в его рабочем кабинете или на квартире никак не удавалось.

— Ах, Леонид Иваныч, вы же знаете Сашу! Я сама не вижу его неделями,— едва не всхлипнув, сказала в телефон жена Пересадько Юлия Платоновна, и Стругов даже при плохой слышимости уловил, какая в этом горестном возгласе прозвучала тоска.

Он так чутко уловил эту тоску, должно быть, потому, что и сам был уязвлен тем же чувством. Тревоги, навеянные военными поражениями, усиливались в его душе беспокойством о жене и сыне Ванюше. Они, быть может, и прибыли в Караганду, не попав на пути к Волге под немецкие бомбы, но где они там поселились, как устроились с жилищем, с питанием, а Ольга Сергеевна и с работой? Леонид Иванович понимал, что она, конечно, волнуется сейчас, не зная, что с ним, жив ли он и куда адресовать ему письма.

Благо, его тоска не переходила в безнадежность. В нем все больше росло убеждение, что теперь, когда неслыханная угроза нависла над всей страной, когда ненависть к врагу, сменившей недавнее чувство страха перед ним, охвачены миллионы сердец, не устоит разбойная Неметчина!

Убеждение в несокрушимости своей Родины Стругов черпал и из истории Луганска, оживавшей сейчас в его памяти в ярких образах и картинах. Этот рабочий город он великолепно помнил еще со времен своей юности, когда он, комсомольский вожак из казачьего и шахтерского хутора Сорокин, приезжал сюда на конференции и диспуты, очертя голову кидался в споры о задачах молодежи, о новой морали, вреде мещанских вкусов, стихах Сергея Есенина... В свои двадцать пять лет он впервые по железной дороге, впервые в костюме и с чемоданом отправлялся отсюда в дальнюю поездку — в Харьков, на сессию Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Он был самым молодым из тогдашних депутатов.

Вспоминая минувшее, Стругов как бы листал страницы героической летописи Луганска и проникался убеждением, что если враг придет под его стены и теперь, то рабочий город будет сражаться до последнего патрона. Обходя улицу за улицей, угрюмо посматривая на дома, площади и скверы, он примечал, что город не на шутку готовится постоять за свою честь и свободу. Баррикады на перекрестках, крестообразно наклеенные на окнах и витринах полоски бумаги для защиты от стеклянных осколков и настороженно проходящие по улицам воинские патрули напоминали о близкой опасности, придавшей городу суровый колорит.

На гребне возвышенности, у дороги на Краснодон, как именовали теперь бывший хутор Сорокин, на фоне дымного неба смутно обозначалась легендарная Острая Могила. Ранней весной мятежного 1919 года луганский рабочий люд, оставив станки и горны, насмерть стоял у этого кургана, отражая натиск белогвардейцев. Рабочие и железнодорожники несколько суток подряд не выпускали из рук винтовок и пулеметных рукоятей, а их измożденные жены и вихрастые ребятишки ползком доставляли им патроны, хлеб и воду. Посрамленные вояки в ту памятную весну дрогнули перед несокрушимой волей луганских пролетариев и откатились за пределы Донбасса. А потом красногвардейская рать во главе со своим вождем — слесарем Климом Ворошиловым прошла под вражеским огнем из глубины донецких степей до берегов Волги и там снова явила чудеса мужества и отваги.

Разве потомки тех, кто когда-то обагрил своей кровью изрытые склоны Острой Могилы, посрамят славу отцов? Разве орден Красного Знамени на стяге родного города не вдохновит их на беззаветную отвагу?

Вот и сейчас, когда Стругов, придерживая от ветра кепку и кутаясь в воротник, стоял у боевых реликвий на Красной площади[1] — двух английских танков, отбитых у белогвардейцев в огне гражданской войны, а потом — в Центральном сквере у могилы неустрашимого солдата революции Александра Пархоменко, он почувствовал, что рабочий город упорно кует оружие победы. Ветер, тоскливо посвистывая в обнаженных вязах, приносил с заречья, от хмурых, невидимых в сумраке заводских корпусов уксусные запахи окалины и каменноугольного дыма, приглушенные расстоянием громыхание железа и пулеметную дробь пневматических молотков. Тысячи работящих рук неустанно ладили там, в искрах электросварки, броневые поезда, ремонтировали танки, крепили в их башнях скорострельные пушки. И хотя летевшие над Каменным Бродом снеговые тучи набухали от заводских огней вишневым соком и демаскировали этот прифронтовой арсенал, сталевары в синих очках и парусиновых рукавицах, обливаясь потом у пышущих жаром печей, продолжали и ночью вершить свое нелегкое и неотложное дело.

[1] Площадь в центре Луганска (Ворошиловграда).

XVIII

В этот вечер Стругов снова наведался в обком партии, напоминавший непрестанным звоном телефонов, хлопаньем дверей и отрывистыми разговорами фронтовой штаб, и спросил, не поступало ли на его имя что-либо из Москвы. Не услышав ничего утешительного, он, сутулясь и сторонясь пробегавших по коридору людей, покинул здание. Сжимая в правом кармане пальто рифленую рукоять нагана, он стал подниматься от Пушкинской улицы к Ростовской. С севера, из-за Лугани, по-зимнему веяло стужей, сыпало на мостовую сухим снегом, и он змеился меж камней тонкими известковыми ручейками.

Свое пристанище Леонид Иванович нашел в темноте не скоро. Он остановился у калитки в недоумении: за плотно закрытыми ставнями слышалась залихватская песенка в плясовом ритме:

Мне Маша чаю, чаю наливает,
И взор ее так много обещает.
У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.

Песня про Машу закончилась, и кто-то без промедления поставил другую заезженную пластинку. Медовый тенор запел изнеженно и томно:

Не уходи, тебя я умоляю,
Слова любви стократ я повторю.
Пусть осень у дверей, я это твердо знаю,
И все ж не уходи, тебе я говорю.

Стругов постоял с минуту у калитки, наливаясь гневом. «Осень у дверей... не уходи...» У дверей не осень, а зима лютая: немцы в ста километрах! Под Ростовом рыскают танки Клейста, а вы тут — чтоб вы сдохли! — услаждаете себя душещипательным танго!»

Он несколько раз с силой ударил каблуком в калитку.

В доме всполошились. Чуть приоткрыв на веранду дверь, Марианна бросила в темноту опасливо, тревожно:

— Кто там?.. Боже! — услышав струговский голос, простонала она.— Вы так громко постучали... Думала, опять патруль или милиция...

Войдя в дом, Стругов бросил взгляд на уставленный бутылками и снедью стол и заметил с язвительной усмешкой:

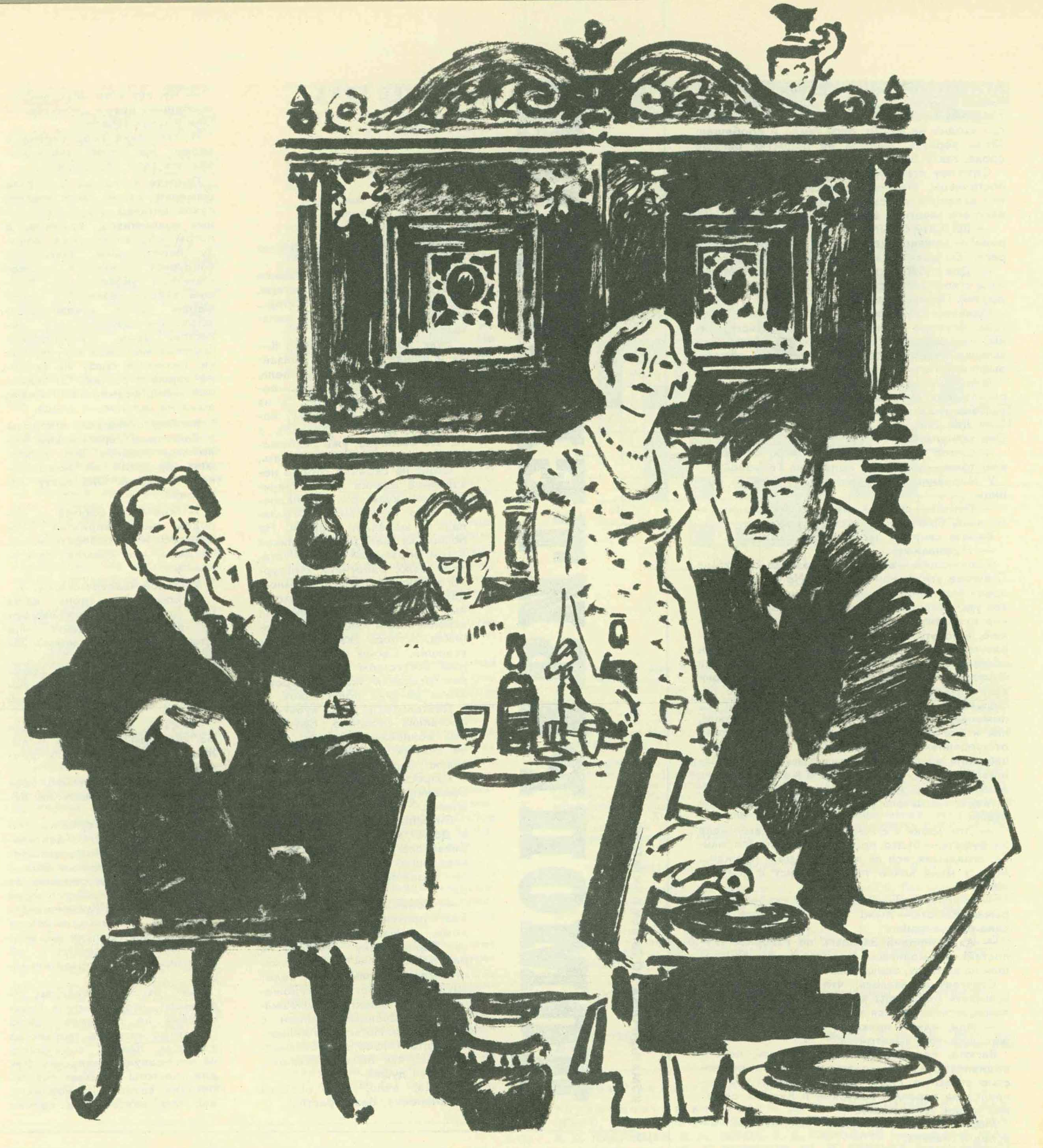
— Пируем?

Хорошо, что сидевшие у стола были уже под хмельком. К тому же, вешая на деревянный рожок пальто и кепку, Леонид Иванович отвернулся, и они не могли видеть презрительного выражения его лица.

— Милости прошу к нашему шалашу,— приветливо пригласила Марианна. Но тут же посерьезнев, она хрустнула пальцами и обронила: — Можно завыть от тоски...

— Чайку я, пожалуй, выпью,— сказал Стругов, потирая озябшие руки.

Тут, конечно, было чем погреться и кроме чая. На столе стояли бутылки зеленого стекла с изящными этикетками «Донского игристого» и «Красностопа», огромная сковородка была полна яичницы с ломтиками подрумяненного сала, а на проволочном решетчатом блюде красовалась горка шафранных яблок. Тишайший Голубков и тут уклонился от угощения и сидел, привалясь к черному, мореного дуба буфету, в позе смиренного инока. Наверное, уж в десятый раз он с удрученным видом перечитывал фронтовую газету «Во славу Родины». Шофер Кузьма, с багровым от хмеля лицом, держа приподнятую над диском патефона мембрану, выжидающе глядел на Марианну. Васюта же, пресыщенно развалясь в кресле, потягивал папиросу и с откровенным вожделением нежил взором полные, обнаженные

до плеч руки Марианны. Он не изменил своей барственной позы и при появлении Стругова, только лениво повел на него посоловелыми глазками, лишенными какой-либо мысли. Этот изрядно охмелевший наглец вновь пробудил в душе Стругова чувство гнева. Но хозяйка так радушно потчевала чаем и снедью, что он постепенно успокоился и обрел наконец способность говорить сдержанно.

— Ну, дорогие товарищи,— сказал он, окинув своих спутников ободряющим взглядом,— кончилось наше Азовское сидение. Говорил сейчас с Москвой. Получена ясная, четкая команда, кому и куда отправляться.— Леонид Иванович произнес это таким натуральным и радостным тоном, что никто, конечно, и не заподозрил, что ни с какой Москвой ни сегодня, ни вчера он не говорил и что какое-то решение возникло в его голове только сейчас, в последнюю минуту.

Голубков, положив на колени газету, выжидающе смотрел на Стругова. Кузьма, небрежно, со стуком прихлопнув крышку патефона, потянулся к столу за папиросой. Во взгляде Васюты, хоть хмель все еще мутил ему голову, зажглось выражение тревоги. Марианну слова Стругова оставили внешне равнодушной.

— Завтра-послезавтра,—сказал Стругов, улыбаясь хозяйке,— избавим вас от кагала.

— Ах, боже! — протестующе возразила Марианна.— Вы меня ни капельки не стеснили. Но если так...— Не вставая, она потянулась к буфету и выставила на стол бутылку с пестрой этикеткой.

На этот раз Стругов не стал противиться. Если завтра-послезавтра судьба в самом деле разведет их всех на неопределенные сроки, а быть может, и навсегда, то стоит ли перед разлукой оскорблять радушие и хлебосольство этой милой женщины!

Голубков и Кузьма, повинуясь жесту хозяйки, придвинулись к столу.

Марианна откупорила бутылку, наполнила рюмки вином, но не торопилась с тостом.

— Ессентуки-семнадцать,— брезгливо изрек Васюта и двинул от себя рюмку так небрежно, что вино плеснулось на скатерть. Хмель все больше подавлял его сознание. По-прежнему развалясь в кресле, он сонливо поглядывал на молодку и наугад тыкал в пепельницу погасшим окурком.

— Это муженек коллекционировал,— невозмутимо сказала Марианна, кивнув розовым подбородком на бутылку хереса.— Одни, бывало, везут с курорта всякие сувениры: шкатулки из ракушек, самшитовые трости и прочие штуки, а мой благоверный Митенька тащит полный чемодан массандровских вин. Приказал сберечь только одну бутылку — мускат южнобережный «Красный камень». Вино уро-

жая девятьсот двадцать пятого года. «Дадим,— говорит,— зарок не трогать этот мускат, пока ему не исполнится четверть века». А когда уходил на фронт, передумал и пообещал: «Если вернусь, выпьем на радостях раньше срока, так и быть!» Вот я и берегу.

Стругову стало неловко от мысли, что они, постояльцы, вторглись в отсутствие хозяина в его владения да еще и бесцеремонно распивают его заветные вина.

— Вы и эту бутылку — зачем вы ее раскупорили? — сожалеюще сказал Стругов.— Поберегли бы для мужа. Он же покупал для себя.

— Для себя? Ни боже мой! — сказала Марианна с холодной усмешкой.— Все старался для друзей. Парень был — рубаха.

Однако это разъяснение не успокоило Стругова. Леонида Ивановича охватило чувство вины, как бывало всегда, когда обстоятельства вынуждали его поступать не так, как подсказывали совесть и рассудок.

Марианна заметила его колебание. Подняв рюмку, она дружески кивнула всем гостям и сказала душевно:

— Дай бог, чтоб все вы уцелели, чтоб...— Она запнулась.

— ...чтоб вернулись все домой, и хозяин ваш тоже,— умиленно подсказал Голубков.

У Марианны едва приметно дрогнули ресницы.

— Пейте! — сказала она повелительно, но сама лишь пригубила и отставила рюмку.

Васюта свирепо заскрипел зубами.

— Н-ненавижу!..

Умоляющим взглядом хозяйка просила Стругова утихомирить нахала. Но Леонид Иванович был занят своими мыслями. Он испытывал удовлетворение, что принял наконец решение отправить своих подчиненных по назначению, а то этот бражник, чего доброго, натворит таких чудес, что навек опозорит и себя и обком. «Когда-то мне говорили,— припомнил Стругов,— что этот деятель под хмельком бывает развязен до хамства. Но на работе он, шельма, всегда был трезв, исполнителен и... пожалуй, угодлив. Что с ним сталось? Может, как и все мы, он подавлен войной, издерган отступлением, истосковался по семье и ищет забвения в алкоголе? Да, испытания труднейшие. Пожалуй, нынче каждого можно понять... Можно понять, но можно ли простить?»

Марианна начала разливать чай в цветастые чашки.

— Эти чашки я с начала войны не вынимала из буфета,— будто про себя сказала Марианна, оглядывая, все ли подано.— Да и прежде... Муж у меня вечно торопится, ест и пьет на ходу.

— Н-ненавижу! — неожиданно свирепея, зарычал Васюта.— Муж! Муж! Ненавижу бабские разговоры!

— Ах, Мефодий Захарыч, не говорите глупостей! — взмолилась Марианна.— Вы бы пошли на веранду, покурили...

Стругову показалось, что Марианна боится услышать от Васюты что-то еще более неприятное, и он вступился за нее.

— Иди, иди! — приказал он властно.— Может, дурь-то и выветрится.

Васюта, едва не сдернув скатерть, нехотя поднялся с кресла, с медвежьей неуклюжестью сгреб со стола коробку папирос и поплелся на веранду. Голубков и Кузьма, отставив чашки, тоже вышли.

Марианна настороженно посмотрела им вслед и сказала:

— А знаете, Леонид Иваныч, этот красавец в прошлом году на курорте домогался моей... благосклонности. Ужасно влюбчивый! Мы с мужем были в санатории «Жемчужина» под Ялтой, а он по соседству — в «Хараксе». И вот возвращаюсь однажды из Ялты, а этот красавец подсел ко мне на катере и давай турукать: «Выходите вечерком после ужина на нижнюю дорогу, а муж пускай гоняет бильярдные шары!». Это же надо сообразить!..

Стругов не знал, как поддержать этот разговор, в недоумении оттопыривал губы и молчал.

— Спасибо за ужин,— вдруг сказал он, поднимаясь из-за стола.— Покойной ночи.

— Покойной ночи,— проговорила Марианна, провожая его растерянным взглядом.

Продолжение следует.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

ДОМОПРАВИТЕЛЬНИЦА

В. МОРОЗОВА

Автор письма в редакцию взывал о помощи:

«Помогите, усмирите нашего разбушевавшегося директора. Полтора года бушует, народ... уходит по собственному желанию».

Итак, приехала я в город Киев и пошла по адресу, указанному на конверте. И увидела, что там происходит форменная война не на жизнь, а на смерть. Воюют все, кому, конечно, здоровье позволяет, а те, кто послабее, уже разбежались или собираются бежать.

Стоит на окраине города невзрачное здание под названием Дом культуры. Принадлежит оно управлению Юго-Западной железной дороги. Но поскольку железнодорожников в том окраинном районе осталось мало, работники культурного центра сеяли «разумное, доброе, вечное» силами местных жителей с отдельными вкраплениями железнодорожников, и, надо сказать, небезуспешно. Своим самодеятельным искусством горожане не раз радовали железнодорожников далеких полустанков.

Деятельность Дома культуры протекала спокойно, без особых волнений и тревог, если не считать небольшие финансовые нарушения, связанные с вопросами совместительства. Прежний директор в это не вникал.

Сигналы об этих нарушениях в Доме культуры дошли до Киевского райпрофсожа. И руководящий профсоюзный орган назначил нового директора.

— Понимаете, у нас нет особых претензий к коллективу дома, — наставляли Валентину Герасимовну Аранину в райпрофсоже. — Дом занимается самодеятельностью, ведет кружковую работу, его художественные коллективы выезжают на отдаленные станции с концертами. Но все это делается будто только по обязанности, без, как бы вам сказать...

— Без души?

— Да, вяло, без особого вдохновения, без страсти...

— Ну, это я им обеспечу, — пообещала новый директор. — Они у меня забегают.

И Валентина Герасимовна с первых же шагов начала выполнять свое обещание.

Прежде всего она выписала фамилии своих заместителей, руководителей художественных коллективов, кружков, а потом образовавшуюся колоду перетасовала. Вчерашний бандурист становился художественным руководителем, бывший худрук назначался дирижером давно исчезнувшего эстрадно-симфонического оркестра. Замы, руководители кружков менялись как перчатки. Тасование сразу же вызвало взрыв страстей. От прежней тихой, размеренной жизни дома не осталось и следа.

Вообще отношение к кадрам у Валентины Герасимовны было своеобразное. Вот, например, прислали ей помощника с бородой. Она сразу же заявила:

— Мне такая борода на молодом лице неприятна. Или брейтесь и не позорьте нашего дома, или давайте расстанемся.

Молодой человек сказал:

— Бороду не трону, из-за нее меня иногда приглашают на киносъемку. Дайте мне срок, подыщу себе новую работу и уйду.

Но бедолага не успел опомниться: его уволили как не выдержавшего испытательный срок.

Просьбы, увещевания в Доме культуры вышли из моды. Железно действует лишь формула:

— В моем доме никто, кроме меня, командовать не будет!

Привилегию обсуждать не только служебную деятельность, но и семейные отношения своих подчиненных Валентина Герасимовна оставила за собой. «Мерзавка!», «Твой муж — мурло», «Жулики», «Мародеры и хулиганы» — эти и подобные им крепкие выражения постоянно слетают с губ энергичной домоправительницы.

Было бы несправедливо утверждать, что Валентина Герасимовна не проявляет свою страстную натуру в творческих вопросах. Как-то, ворвавшись на очередную тренировку (так для простоты называет она репетиции вокального коллектива), она потребовала срочно

ПРИЧАСТНОСТЬ

«Близкие версты» — третий поэтический сборник Василия Шабанова и первый, который появился в столичном издательстве. Два предыдущих — «Белая запруда» и «Васильковое имя» — вышли в Саратове, на родине поэта. И если попытаться определить саму суть его стихов, то, пожалуй, точнее, нежели словом «причастность», ее не передать.

Да, причастность к родному дому, деревне, нелегкому труду земляков-колхозников составляет первооснову всего, о чем бы ни писал В. Шабанов. А через эту причастность ощутима столь необходимая каждому поэту связь его земли, его судьбы с Родиной, со всем народом. Так возникают стихи «Родословная» и «Из былин, из сказок наши русла...», «Работные люди» и «Не любит хвастать мой народ». Но еще более связь эта обнажена, доверительна и действенна, потому что оплачена собственным опытом человека, пишущего стихи.

Просяные, соленые зори,
Августовская тяжесть полей.
Здесь на десять недетских мозолей
Были руки мои тяжелей.

Этот опыт не только обеспечивает право поэта говорить о заботах тружеников, о нехитрой философии деревенского бытия. Он еще дает живое дыхание поэзии тем местам в стихах В. Шабанова, где слышны жесткие и риторические декларации, выдаваемые за

Василий Шабанов. Близкие версты. М., «Молодая гвардия», 1974, 112 стр.

упразднить одного концертмейстера.

— Кто разрешил играть сразу на двух роялях? Режим экономии нужен во всем.

Властной рукой директора ломались старые каноны. Концертмейстером в агитбригаду вместо аккордеониста был назначен саксофонист.

Конечно, всех дел Валентина Герасимовна, несмотря на свой молодой задор, решить не могла. Она обращается к общественным организациям, в прокуратуру района с требованием привлечь к судебной ответственности несколько бывших и настоящих сотрудников дома.

Валентине Герасимовне всюду мерещатся злоумышленники.

Одна молодая сотрудница, которая готовилась стать матерью, из-за придирок директора ушла с работы. Но энергичная Валентина Герасимовна не оставила ее в покое, прислав домой к перепуганной женщине комиссию.

— Немедленно дайте образец вашей подписи. У нас есть подозрение, что кассирша все время получала за вас зарплату.

Подвергся сомнению и больничный лист другой сотрудницы.

— Это фальшивка,— безапелляционно заявила Валентина Герасимовна.

Но все это, так сказать, мелкие стычки или бои местного значения. Самое же крупное сражение связано с оперой Рахманинова «Алеко».

Собственно говоря, Валентина Герасимовна была не столько против композитора, сколько против одного из очередных художественных руководителей дома.

С одной стороны, человек как будто образованный, окончил консерваторию и аспирантуру. Музыку к спектаклям сочинял, операми, балетами дирижировал.

А тут пришел в Дом культуры и задумал ни с того ни с сего оперу поставить. И все ему надо как в настоящем театре: и костюмы, и оркестр, и декорации. Самодеятельные артисты тоже загорелись: поют, репетируют, мечтают, как со своим «Алеко» поедут по железной дороге.

Директор до поры до времени спокойно взирала на «шалости» своих подопечных, но вот наступил срок слегка экипировать кочующую цыганскую массу, подумать, куда усадить оркестрантов. Доложить обо всем этом пошел сам руководитель Валентин Иванович.

Очевидцы рассказывают:

— Тишина за дверью директорского кабинета была недолгой. Очень скоро руководители один за другим пулей вылетели к нам.

А Валентина Герасимовна заявила:

— Никому ваш Рахманов (в пылу борьбы чего только не перепутаешь!) не нужен. Не созрели еще для него железнодорожники.

В тот же день репетиции оперы были прекращены, а худрук уволился. Такие вот страсти-мордасти.

А как же реагировали на них подчиненные?

Как и следовало ожидать, они оказались не на высоте. Вместо того, чтобы безоговорочно принять новую, оригинальную манеру взаимоотношений, они написали коллективную жалобу. А ответственная комиссия райпрофсожа, решив поддержать их, настоятельно порекомендовала директору Дома культуры изъять из арсенала общения со своими подчиненными грубость, нетактичность и т. п.

Состоялось многочасовое профсоюзное собрание. Страсти кипели поистине шекспировские. Спокойна была лишь сама Валентина Герасимовна.

На третий день после этой словесной баталии в дверях Дома культуры был вывешен красочный плакат-«молния», гласивший, что облсовпроф выносит директору В. Г. Араниной и руководителю оркестра народных инструментов благодарность за успешное выступление.

Не знаем, может, так оно и должно быть: Валентина Герасимовна, безусловно, заслуживает поощрения, ведь она лишь в начале пути.

Но при перечислении этих драматических казусов и курьезов возникает мысль: а что, если всю энергию, затраченную на эту локальную, но, к сожалению, еще распространенную в некоторых ведомствах и учреждениях войну, направить непосредственно на творческие рельсы?

И не было бы таких криков, слез, обид и огорчений.

прямоту характера лирического героя.

Действительно, вместо подлинной прямоты, которая ощутима в изобразительном ряде большинства стихов, названных и таких, как «Старшие», «А гнезда поздние трудней оберегать», «Старые песни», иногда у В. Шабанова появляются спрямленные интонации, идущие от каких-то внешних, заданных моментов. Там же, где заданность, непременно ищи вторичность. И если нет силы своего пережитого, житейского опыта, поэт не выдержит давления этой вторичности. Она «спрямит» все в стихотворении. В. Шабанов порой оказывается в таком положении. Тут-то и приходит на помощь его «мозолистый» опыт.

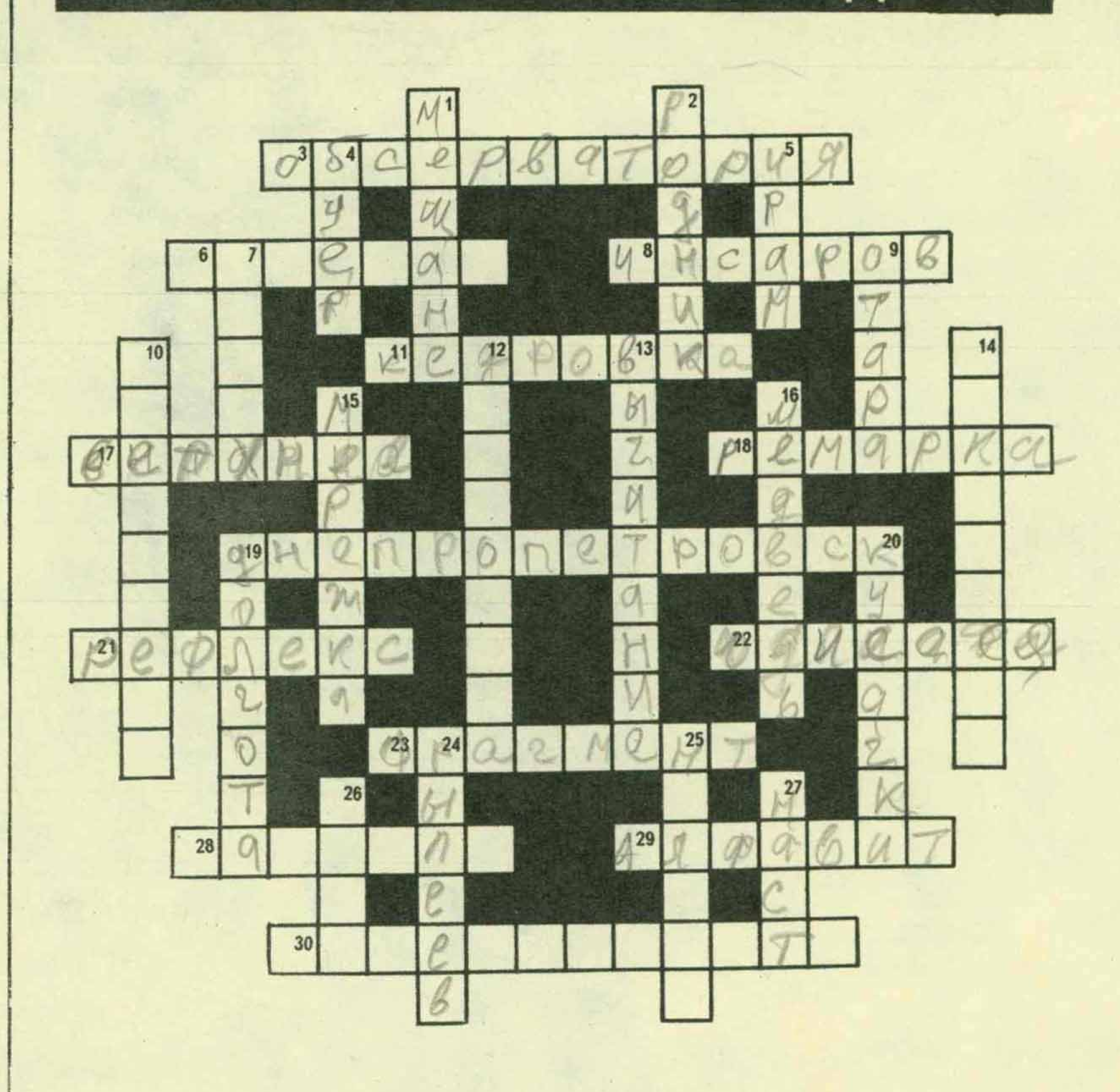
Вот почему понятны ему, близки по духу парни, что строят Братск и Зейскую ГЭС, понятна высокая солидарность трудового люда, что выстояла в тяжких испытаниях войны. Осознанием этого единства и продиктованы весомые и зрелые слова в стихотворении «Матери»:

Крепленья особого рода
Связали в живые мосты
Окопы далекого фронта
И наши, с названием «тыл».

И подумалось: не в этих ли строках скрыта та исходная точка, которая привела поэта и к осознанию своей причастности ко всему происходящему с нами и со страной, которая в конечном счете обусловила удачу многих стихотворений В. Шабанова, составивших сборник «Близкие версты»? Именно с этих верст для каждого начинается большая дорога в огромный мир нашей жизни, а для молодого поэта — путь в большую поэзию.

Бор. ЛЕОНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Астрономическое научное учреждение. 6. Опера Г. И. Майбороды. 8. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 11. Птица семейства вороновых. 17. Озеро в США и Канаде. 18. Пояснение в пьесе. 19. Областной центр на Украине. 21. Ответная реакция организма. 22. Древнегреческая поэма. 23. Часть произведения искусства, отрывок текста. 28. Угольный карандаш. 29. Буквы, расположенные в определенном порядке. 30. Прибор для измерения ускорения самолета, ракеты.

По вертикали: 1. Пьеса М. Горького. 2. Водный источник. 4. Парусные сани. 5. Государство в Азии. 7. Автор картины «Гонец». 9. Стадо овец. 10. Горное травянистое растение. 12. Основа ладового строения музыки. 13. Математическое действие. 14. Французский физик, открывший явление радиоактивности. 15. Вышивка в виде узорчатой полоски. 16. Хищное животное. 19. Географическая координата 20. Щипцы. 24. Русский поэт, декабрист. 25. Лососевая рыба. 26. Плоскогорье на Алтае. 27. Оледенелая корка снега.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 6. «Воскресение». 8. Баклажан. 9. Гиперион. 11. Молот. 13. Аркан. 15. Тангенс. 17. Береза. 18. Орлеан. 19. Татищев. 22. Судак. 25. Палаш. 27. Андерсен. 28. Аспирант. 29. Модификация.

По вертикали: 1. Моцарт. 2. Украина. 3. Геликон. 4. Литера. 5. Огайо. 7. Дрофа. 10. «Пигмалион». 12. Острава. 14. Розетка. 15. «Тазит». 16. Серов. 20. Артерия. 21. Еруслан. 23. «Узник». 24. Картон. 25. Прилив. 26. Арнем.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Новополоцкий политехнический институт. Студентка III курса Наташа Возмитель на лекции.
Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мороз и солнце, день чудесный...
Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

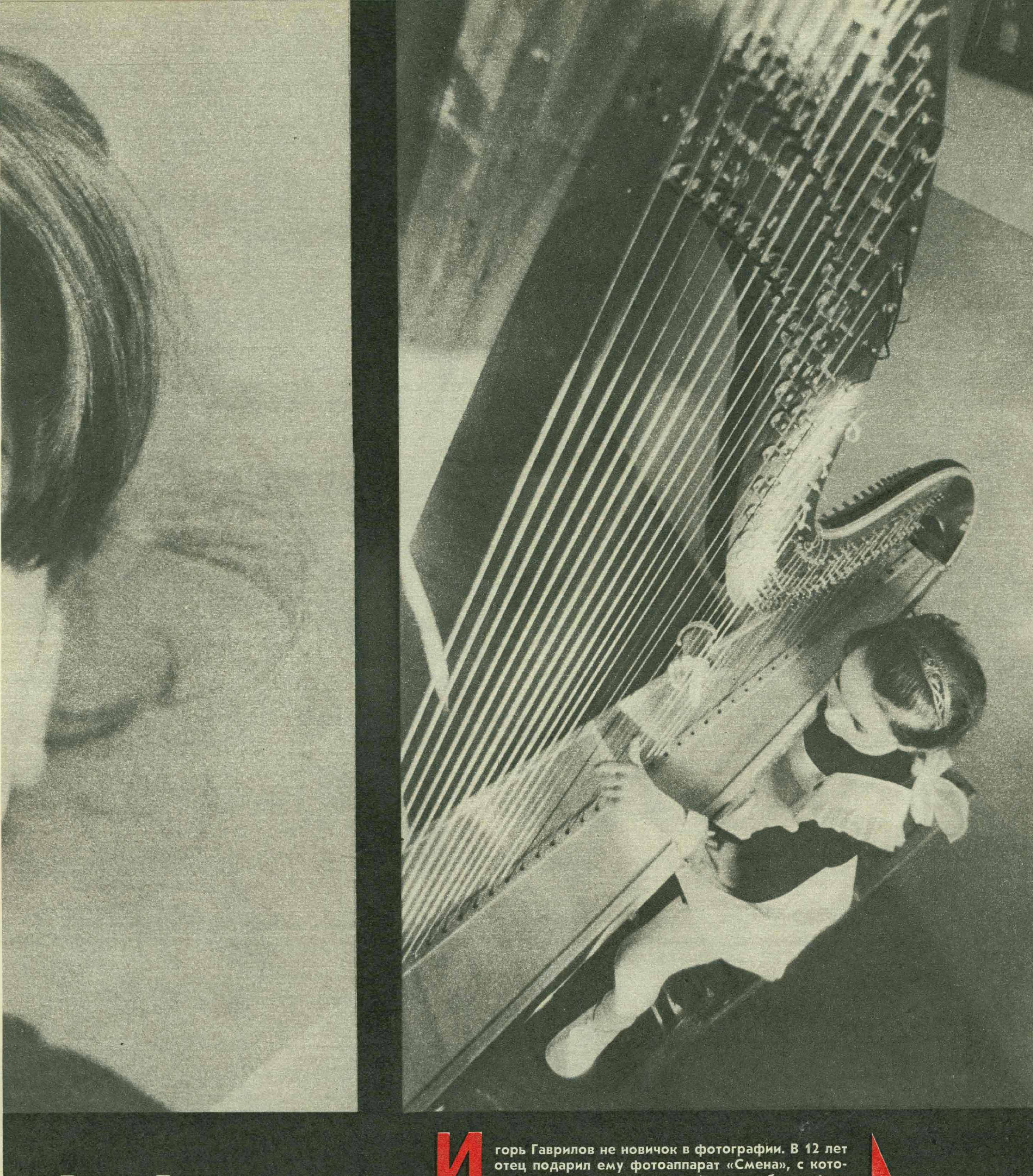
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/I—75 г. А 00513. Подп. к печ. 4/II—75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 277. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 90.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЭТЮД

Ы

Игорь Гаврилов не новичок в фотографии. В 12 лет отец подарил ему фотоаппарат «Смена», с которого и началась его фотографическая биография. С седьмого класса фотографии Игоря Гаврилова стали появляться в «Пионерской правде», «Московском комсомольце», «Московской правде», а в 1970 году Игорь стал победителем фотоконкурса журнала «Журналист» под названием «Проходной балл» и был рекомендован на факультет журналистики МГУ. Сейчас Гаврилов сдает выпускные экзамены в университете и собирается стать профессиональным фотожурналистом.

Пожелаем ему счастливого пути!

РУССКИЙ ЯЗЫК
3

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663